

5
Sidorov

ВЕСТЬ

Валентин СИДОРОВ

Девице
и Рахи
и Святое слово
Николаевичу
от Рерих
от нежного
много им
автора —
искусства
Генделя
так Константино-
вая Рерих
29 сентября
1972
Москва

Весть, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых...
Н. Рерих

I
Отдых окончен. И нынче тебе
Четко намечена новая веха.
Но окликает на узкой тропе
В час расставанья негромкое эхо.
Остановись и взглядишь, человек,
В этот сверкающий красками полдень.
Все, что теперь оставляешь навек,
Помни!

Как устремлен в неизвестное взгляд,
Как напряжен в ожиданье разлуки!
Линии света призываю звенья,
Краски, светясь, превращаются в звуки.
Все, что звучит и искрится сейчас,
В сердце твоем отзывается болью.
Это не стон, не мольба, а приказ:
Помни!

Помни метнувшийся в руки цветок,
К небу упрямо тянувшийся стебель,

«Весть» — это как бы прямая речь Рериха, монолог, в котором звучат строчки дневников и стихов великого русского художника, четверть века прожившего в Индии. Имя Майтрея (к его образу постепенно возвращается Рерих в своих картинах) восходит к индийским преданиям. Майтрея — олицетворение света, добра и любви.

Словно никак разглядеть он не мог
То, что там смутно очерчено в небе.
Все, что неведомо нынче для нас,
Все, что лишь ты озарением понял,
Этот предел, недоступный для глаз,
Помни!

Грохот, и треск, и шорохи трав
В воспоминаниях моих возникают.
Но, отзываясь преданием став,
Шорохи и грохот навек умолкают.
Но остается безмолвие гор,
Воздух, недвижно застывший над поймой.
Этот беззвучный и вечный простор
Помни!

Голос безмолвья сквозь грохот и дым
Вновь во Вселенную нашу прорвался.
Он овладел вдохновением твоим,
Он овладел опаленным пространством.
Этот бессмертный и радостный зов,
Что небосвод и всю землю наполнил,
Что человеку понятен без слов,
Помни!

II
Горы сверкают и меркнут вдали.
Мгла над тобою клубится глухая,
Словно стущаются тени земли,
Землю в магический круг замыкая.
Тени и тени, куда ни взгляни.
Переплетаясь, ползут, приближаются.
Страхом в лицо твое дышат они.
Темные тайны и явно сражаются!

Гасит последние блики волна.
Мгла оседает туманом и пылью.
Над неподвижностью трав тишина
Вновь распестрила широкие крылья.
Реки в тумане текут не спеша.
Сонные ветки в волну погружаются.
Вымерли звуки. Но чует душа:
Темные тайны и явно сражаются!

III
Длится и длится невидимый бой.
Он постращай, чем открытая схватка.
Сумрак в себе растворив голубой,
Тьма вырастает безмолвной загадкой.
Как разомнуть заколдованный круг,
Если в смятении мысли мешаются?
Вновь скручающая сомнением твой дух,
Темные тайны и явно сражаются!

IV
И сотрясает твое бытие
До оснований великая битва.
Неотвратимо сегодня в нее
Вовлечена вся земная орбита.
За горизонт уходя, облака
Громом и тучами к нам возвращаются.
Память твою озаряют века:
Темные тайны и явно сражаются!

Мрак загустел, затвердел, как гранит,
Замуровал и пути и тропинки.
Вечной тревогу ночью звенят
Тонкий пронзительный голос былинки.
Воздух, и тот напряжен и упруг.
Рушатся горы и вновь возрождаются,
Эхом весь мир заполняя вокруг:
Темные тайны и явно сражаются!

Что это — отсвет случайный огня?
Призрачный отсвет? Иль что-то другое?
Плотным кольцом охвативши меня,
Ночь ворожит над остывшей рекою.
Но различает слабеющий взор,
Как обозначились на небосклоне
Над очертаньями смутными гор
Красные кони, красные кони.

V
Все ожиданье звенящим полно,
Все, что застыло, молчит и уснуло.
Чуткое ухо давным уж давно
Слышит раскаты далекого гула.
И тишина, воплотившая страх,
Тонет и глохнет в нахлынувшем звоне.
И проступают сквозь холод и мрак
Красные кони, красные кони.

VI
Все в ожиданье. Ручьи, как мечи,
Мгла рассекают холодным мерцанием,
И зазвучали в тревожной ночи
Камни, хранившие только молчанье.
А у гнилого, трухлявого пня
Тени свернулись в клубок, помертвели.
Мчатся предвестники нового дня —
Кони Майтреи, кони Майтреи!

VII
Это не всплески зарниц огневых.
Это не светлые точки во мраке.
Это начавшийся солнечный вихрь
С неба сметает неверные знаки.
Это, взрывая туманный покров,
В неудержимо-могучем разгоне
Хлынули в узкий разрыв облаков
Красные кони, красные кони!

VIII
Мир, разрозненный предчувствием бед,
Соединяется в звонкие звенья,
И нарастает ликующий свет
С каждой минутой, с каждым мгновением.
И, отраженные в реках стократ,
Над пробужденной землей все быстрее
Красными стрелами в небе летят
Кони Майтреи, кони Майтреи!

IX
Облески снегов из тумана воскрес,
И пронизали тебя и простор
Сияя вспышка прозрачных небес
И голубое дыхание гор.
Воздух струящийся, вязкий, густой
Жарким сиянием красен согрет,
И, приглушенное пестрой листвой,
Пламя меняет свой яростный цвет.

X
Вольно и празднично дышится здесь,
И первозданно гудят небосклон.
Радостью соткана светлая весть,
Весть наступающих новых времен.
Мрачные блекнут и меркнут тона.
Сходит, решительно сходит на нет
Все, что, как накипь, поднялось со дна.
Пламя меняет свой яростный цвет.

XI
И вопрошающие смотрят века
Грузными глыбами из темноты.
Правда грядущего так высока,
Что перед нею тускнеют мечты.

ОГОНЁК

№ 40 СЕНТЯБРЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Ь

пограде 2 100 000 экз.

Если ж прекрасными были мечты,
Как же прекрасен быть должен ответ!
Счастьем считай, что почувствовал ты:
Пламя меняет свой яростный цвет.

Скучных оттенков не терпит заря,
Красок тоскливых в себе не таит.
Преображенная за ночь земля,
Как неотпятая чаша, стоит.
Счастьем считай, что увидеть дано,
Как эту чашу наполнил рассвет.
Новое солнце пустите в окно!
Пламя меняет свой яростный цвет!

Слушайте, люди, что скажет гонец!
Слушайте, люди, певца как гонца!
Призрачным страхам наступит конец,
Но просветлению не будет конца.
Вечность лишь там, где творит человек,
Где ни унынья, ни праздности нет,
Где, вырываясь стремительно вверх,
Пламя меняет свой яростный цвет!

V
Путник, твой путь начинается снова!
Блики незримых небес не забудь.
Облаком света зовущее слово
Пересекло твой извилистый путь.
К вечным источникам звуков и цвета
Я припаду и устами коснусь.
Словно ручьи, холодащие лето,
Вместе слились Гималаи и Русь.

VI
Тропка над бездной грозит оборваться,
И открывается нам с высоты
Неповторимая радость пространства,
Неизученная мощь красоты.
И самоцветное небо пылает,
И ошибиться я нынче боюсь:
Может быть, это снега Гималаев?
Может быть, это снега твои, Русь?

VII
В звездном прозренье и визге метельном
Две беспредельности. Горы и гладь.
Но беспредельное лишь беспредельным
Хоть на мгновение можно обять.
Небо к глазам воспаленным придинув,
Я усмиряю смятенье и грусть.
Не обратимо сошлися воедино
В сердце моем Гималаи и Русь.

VIII
Может, даны и великая вера
И вдохновенно-пророческий дар,
Чтоб мы замкнули гигантские сферы —
Небо и землю — в светящийся шар.
Не потомуль к глубине сокровенной
Мыслю полночной тянуся и тянуся.
Слыши я голос единства Вселенной
В дивных словах — Гималаи и Русь.

IX
Каждый рассвет и зимою и летом
Лишь знаменует начало труда,
И отдыхать от небесного света
Не суждено нам с тобой никогда.
Духу в бореньях его помагай,
К первоисточникам света вернусь,
К синим вершинам твоим, Гималаи,
К синей твоей бесконечности, Русь!..

Джулиан МЕЙФИЛД

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

БРАТСТВО

ительные, медицинские техникумы и училища. Опять с нулевого цикла начинались на молдавской земле промышленность и сельское хозяйство.

Говорят, что по уровню культуры земледелия можно определить уровень культуры народа. По-видимому, так оно и есть. Я сам выходец из деревни. Детство и юность провел в селе. Поэтому могу легко сравнять и проверить правильность этого определения: зависимость культуры земледелия от общего развития культуры народа. Как известно, в Молдавии хорошая земля — чернозем. Но вот эта же земля до коллективизации давала очень низкие урожаи. Десять центнеров, или 60 пудов, с гектара в то время считали хорошим урожаем. В наши дни мы собираем из года в год устойчивые урожаи — по 31—32 центнера с гектара в целом по республике — и говорим, справедливо говорим, что наша земля может давать еще гораздо больше. И это не проектирование, ибо передовые хозяйства республики из года в год собирают уже большие урожаи и показывают пример в этом деле. А техническая вооруженность, специализация сельского хозяйства, передовые методы обработки земли, тесный союз с наукой, орошение, применение удобренений открывают новые страницы, новые горизонты плодородия. Теперь старое крестьянское изречение: «Чем чернее земля, тем беднее народ» — уходит в область преданий. Сельский труженик стал другим, и его жизнь стала другая. Все это легко можно увидеть на каждом шагу. Показательно в этом отношении строительство, которое ведется в сельской местности. Помимо ферм и совхозов-заводов, помимо промышленных комплексов и промышленных садов и виноградников, занимающих по 2—3 и более тысяч гектаров, всюду в селах строятся многоэтажные школы, торговые центры, красивые, вместительные дома культуры, универмаги, книжные магазины, летние эстрады, животноводческие городки. Индивидуальное строительство, субсидируемое государством, достигло значительных масштабов. Без преувеличения можно сказать, что все сельские дома — это советские дома. Во многих селах даже нарочно сохраняют кое-где по одному-двум старым домикам, крытым соломой, чтобы показать, как выглядели жилища прошлой жизни, жилища времен «равных возможностей», как любит себя рекламировать первая заповедь буржуазного грабежа.

Общие показатели республики в цифрах известны в стране. В прошлом году Молдавия сдала государству 960 тысяч тонн винограда. По производству табака, вин и виноматериалов, по производству консервов, фруктов, сахара, подсолнечного масла мы занимаем одно из лидирующих мест в Союзе.

Развитие материальной базы не могло не сказаться и на уровне развития науки, культуры, литературы и искусства молдавского народа. Надо сказать, что и в этой области мы начали тоже с буквarya, с того же нулевого цикла.

Первый наш поэт, Дософей, более трех столетий назад сказал, что наша земля находится на путях всех бедствий и выход из этого опустошения — в союзе с Россией. «Свет идет с Востока», — пророчески предсказал этот пророк. Но этот свет шел к нам очень долго, подобно свету далекой звезды. Только после Великого Октября, а в правобережной Молдавии — после освобождения Бессарабии, в 1940 году, засияла звезда нашего края.

С последним пятидесятилетием связано многое в развитии и духовном росте молдавского народа. Сегодня, когда в республике больше докторов и кандидатов наук, чем было раньше сельских учителей, когда республика имеет 7 профессиональных театров, свою Академию наук, когда вузах республики учатся десятки тысяч студентов, когда есть крестьянские семьи, в которых по 5—6 детей имеют высшее образование, когда выходит третий том Молдавской Советской Энциклопедии, когда по числу врачей, учителей, агрономов и других специалистов и по числу студентов мы опережаем самые развитые страны Западной Европы, можно говорить о подлинной культурной революции в нашей республике.

Одна из отличительных черт братской дружбы советских народов — это прежде всего об-

мен опытом работы, взаимная помощь, вытекающая из ведения единой общей экономики, из строительства единой коммунистической культуры. Достижения одного народа в любой области — в духовной или в материальной — немедленно становятся общим достоянием других народов, и в этом подлинный интернационализм нашего образа жизни.

Молдавский народ никогда не забудет ту огромную помощь, которую оказали ему братские республики в экономическом и культурном развитии. Мы могли преодолеть трудности и преобразовать свою землю за такой короткий период, за 27 лет, только благодаря братской помощи всех советских народов-братьев и прежде всего великого русского народа. Они помогли нам получить освобождение. Они помогли нам создать свою государственность. Неоценима эта помощь и в поднятии культуры, науки и искусства. И здесь опять мне хотелось бы подчеркнуть выдающуюся роль русской культуры, которую она сыграла в становлении всех культур союзных республик и, конечно же, Молдавии. Она учила нас идеям гуманизма, служения народному делу, интернационализма.

На что способна братская поддержка и помощь, мы убедились и в годы войны и в годы мирного строительства. Сила великой дружбы подняла за 4—5 лет из руин и построила заново такой огромный город, как Ташкент, пострадавший от землетрясения. Эта же сила действовала и при возрождении городов и промышленных центров Украины, Белоруссии, Молдавии и других братских республик Советского Союза, пострадавших от войны.

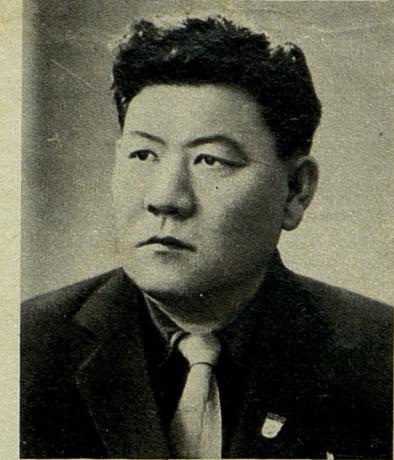
Дружба народов СССР выработала особый склад характера у советских людей. Это широкий демократизм, искренность и добросердечность. Я пять лет учился в Москве, а потом много путешествовал и был гостем многих союзных республик и могу с огромной радостью засвидетельствовать, что везде меня поражало дружелюбие и братское гостеприимство, горячая любовь к молдавскому народу, к его трудолюбию, к его науке и культуре.

Лучшим подтверждением этих моих слов могут служить десятки переведенных и изданных книг молдавских писателей в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии. Об этом же свидетельствуют передвижные выставки наших художников во многих союзных республиках, популярность наших танцев и песен. У себя в республике мы стараемся не оставаться в долгу перед другими нашими народами. Переводим и издаем их книги, поем их песни, изучаем и перенимаем их трудовой опыт, стараемся внести свой посильный вклад в общую материальную и духовную сокровищницу всего советского народа.

Да, поистине красива и могучна наша Советская Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

У молдаван есть такая притча, я ее использовал как эпиграф к моему последнему роману, «Мосты». Смысл этой притчи таков: для того, чтобы человек достиг счастья, он должен омывать свое лицо в брызгах радуги, после дождя. Но путь к радуге — очень трудный путь. Радуга быстро появляется и быстро исчезает. Она может молниеносно перебросить свою дугу из одной реки в другую, из одного озера в другое. Радуга подобна миражу: может казаться рядом, очень близко, а на самом деле быть очень далекой.

Притча о радуге и счастье человека возникла в народе на основе горького опыта, ибо простым людям в эксплуататорском мире путь к счастью был так же неосуществим, как и дорога к радуге. Перефразируя эту притчу, я могу со всей уверенностью сказать, что эта радуга уже больше не кочует, подобно миражу, по молдавской земле. Эта радуга счастья пустила глубокие корни в нашу действительность. Она, эта радуга, в подлинной, сердечной дружбе советских народов, в богатой красками советской действительности, и наша задача — теперь и во веки веков беречь как зеницу ока эту радугу счастья, приумножить ее красочность и богатство, чтобы из спектра ее короны не выпал ни один оттенок, ни один цвет, ибо без союза всех цветов нет радуги, а без радуги нет счастья. Сила наша и наше счастье — в нерасторжимости наших народов, в их общей радуге жизни.

ПЕВЕЦ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

Иной раз очень символично совпадают общезначимые и личные даты в нашей многогранной жизни. Исполнилось пятьдесят лет известному казахскому поэту Сырбайю Маuleнову, жизненная стежка которого у самого истока органично вливается в общий и широкий путь развития союза наших равноправных республик-сестер. Полувековой юбилей создания его все мы отмечаем в нынешнем году. Половина под символом и крепью этого союза складывались многие людские судьбы. Вместе с ними сложилась и незаурядная судьба Сырбая Маuleнова.

Наверное, еще юношей Сырбай осознал, что те исключительные возможности, которые дала всем национальностям Советская власть, надо не только принимать как должное, но и защищать их в трудный час. Вот почему перед самой войной будущий поэт без колебаний ушел со второго курса Кзыл-Ординского педагогического института в ряды Советской Армии. В 1942 году заместитель командира роты по политчасти, лейтенант С. Маuleнов воевал на Волховском фронте, в 1943 году участвовал в прорыве блокады Ленинграда и был тяжело ранен. Вот как далеко от родных казахских степей ему довелось защищать свою большую Родину!

Только теперь, пройдя тысячетверстный военный путь, он и с порога своего родного дома умел разглядеть необозримые горизонты Отчизны. И поэтому утверждал в своих стихах:

Милый мой кров! Ты не просто жилье —
Родина вся с порога видна...

Уже в зрелом возрасте выпускает Сырбай Маuleнов свой первый стихотворный сборник. Но и в нем отразились широта мировоззрения поэта, глубина проникновения в значительные явления жизни. Его вскоре мил родной казахский край, и поэт очень символично и щедро называет одну из своих книг «Молоко земли».

Сырбай Маuleнов не умеет говорить общие слова, произносить декларативные признания в любви. Его чувства к родному краю всегда конкретны, они питаются историей и современной действительностью Казахстана. Поэтому в его стихах не могло не отразиться революционное прошлое тех мест, где он родился ирос:

В тех тургайских степях еще есть
След Иманова Амангельды...

Напористо врывается в поэзию С. Маuleнова и самое близкое, современное. Не так уж давно неподалеку от его родного Тургая плуг перевернул новыльные просторы казахской целины. И теперь уже не ковыльным духом веет от тех степей. Очень точно и обобщено поэт подмечает в одном из своих стихотворений:

Здесь я рос, здесь был я молодым.
Пахнет теплым хлебом
На рассвете дым...

Однако литературная деятельность Сырбая Маuleнова отнюдь не замыкается только на казахской поэзии. С годами растут его межнациональные связи — они тоже конкретны и плодотворны. Перу поэта надлежат квалифицированные переводы на казахский язык стихов Ломоносова и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Маяковского и многих известных поэтов братских республик.

И в общественной деятельности и в литературной работе ощущимо сказываются те корни, которыми Сырбай Маuleнов связан с родным Казахстаном, та почва, на которой он твердо стоит, тот источник, из которого поэт черпает вдохновение.

Олег ЗВЕРЕВ

9
Т. БЕРЕГОВЕНКО,
Л. КОЗИК

В «Огоньке» от 25 апреля 1941 года была опубликована фотография молодой девушки. В подписи говорилось, что это лучшая трактористка села Ясеница-Сильная, Дрогобычской области, депутат областного Совета депутатов трудящихся, комсомолка Наташа Алексовская.

Наталке было тогда восемнадцать лет...

Каждый раз, когда в родную хату приходили к отцу Николаю Яковлевичу друзья-коммунисты, девушка прислушивалась к их разговорам. Не раз читала тайком газеты и брошюры. И ждала... Ждала перемен, ждала свободы, новой жизни. И она, та долгожданная новая жизнь, пришла осенью 1939 года.

— Теперь, дочка, заживем, — сказал отец, как только по селу пролетел слух о приближении Красной Армии. — Будем теперь работать не на пана — на себя. На свое государство!

Вскоре после того, как народ западных областей Украины проголосовал за воссоединение с Украинской ССР, жители Ясеницы-Сильной объединились в колхоз. Николая Яковлевича избрали бригадиром. Наталка тоже пошла в полеводческую бригаду. И вот однажды услышала, что в колхоз присыпают два трактора. Побежала Наталка вправление, влетела в председательский кабинет.

— Пошли меня на трактористку учиться!

— Как Паша Ангелина хочешь? — улыбнулся председатель колхоза В. Н. Калапунь. — А почему нет? Пусть и у нас будет своя Паша!

Люди по-разному отнеслись к решению Наталки. Кое-кто предсторегал: «Грех великий, Наталка! Земля испокон веков к лошади привыкла. Зачем ей трактор? Да и не женское дело — машиной управлять. Что у нас, хлопцев нема?»

Но когда Наталка после окончания курсов впервые выехала в поле на новеньком гусеничном, сбежалось все се-

ло — и малые и старые. И все изумленно глядели, как стальной конь прокладывает борозду. Брали в руки комки, разминали. «Хорошо!..»

А Наталка, раскрасневшаяся, взволнованная, гордо сидела за рулем, изредка оглядываясь: прям ли борозда?

Зимой Наталка вместе с членами комсомольской ячейки учила грамоте старших односельчан, рассказывала, что теперь пишут в газетах, читали им книги. С особенным удовольствием слушали селяне произведения Ивана Франко, своего земляка, который родился в соседних Нагуевичах, а учиться ходил в Ясеницкую школу. Не раз ночевал будущий писатель в хате Наташиного дедушки Якова. Заезжал и когда стал взрослым и знаменитым. И даже вместе с дедушкой основал в Ясенице-Сильной народную читальню «Просвіту», которой подарили немало своих рассказов и стихов.

Вспоминали люди писателя, радовались переменам, что происходили у них на глазах. Еще и года не прошло, как установилась Советская власть, а в селе уже открылся медпункт, в хатах заговорило радио, почта начала доставлять газеты и журналы на родном украинском языке. Все это радовало и Наталку, захлестывало новизной, желанием работать, делать больше. И люди оценили Наталкину охоту к делу, умение и желание помочь им. И выбрали ее депутатом областного Совета...

И вдруг все оборвалось: грянула война. В первые же дни ее тяжкий грохот донесся до Ясеницы: граница рядом. Надо уходить. Наталка понимала это. А трактор? Неужто бросить дорогую машину? Какой же она депутат, если оставит ворогу народное добро! Наталка завела мотор и погнала машину к ближайшей воинской части.

Дежурный по штабу 18-го артиллерийского полка Василий Кондрашов доложил командиру:

— Там какая-то чудачка, товарищ майор. На тракторе. Требует зачислить в часть!

— Пусть остается бойцом-добровольцем, — подумав, решил командир полка майор Галан. — Будет возить тяжелые орудия своим трактором.

Так началась Наталкина солдатская служба. Многое пришлось пережить ей. Бои, походы, бесконные ночи, гибель товарищей. Артиллеристы бились под Киевом, под Рославлем...

Не раз Наталке, рискуя

жизнью, приходилось выручать товарищей...

Под Рославлем полк долго удерживал позиции, отбиваясь от насыдавших танков врага. Одно за другим выходили из строя орудия.

Израненные артиллеристы начали было снимать замки с орудий: вытащить их с позиции, переправить на другой берег реки, через которую предстояло переправиться полку, невозможно. И вдруг на позиции появился трактор. На нем ехала Наталка. Она под огнем привела свою машину к орудиям и вот уже на полной скорости, гремя гусеницами, стальной конь тащил их на противоположный берег.

Потом были бои на гжатском, на можайском, на мало-ярославецком направлениях. И всюду рядом с воинами — отважная комсомолка на верном своем стальном коне. Потом Волховский фронт. Участие в прорыве блокады Ленинграда. И тут Наталке Алексовской пришло расстаться со своей «боевой машиной». Как это случилось, подробно рассказала армейская газета «Фронтовая правда» 8 марта 1942 года. Военный корреспондент, ныне известный писатель Александр Чаковский, писал: «У деревни Н. К. в болоте завязло 30 наших автомашин. Свыше 20 вражеских самолетов начали бомбить автоколонны. Алексовской было поручено вытянуть машины из болота. И здесь еще раз обнаруживается, что маленькая, говорливая девушка обладает дьявольской выдержанностью, исключительным хладнокровием и презрением к опасности. Методично, машину за машиной вытаскивает она на дорогу. Алексовская словно не слышит разрывов бомб. Только один раз, когда воздушная волна ее сбрасывает с трактора, ей кажется, что все конечно, что она погибла и задание не будет выполнено. Но это длится всего несколько секунд. Убедившись, что она невредима, Наташа снова берется за руль. Наконец 29 машин выведены на дорогу. Осталась последняя — тридцатая. В эту минуту Алексовская видит, что группа фашистов перерезает ей путь. Дальнейшие события развертываются молниеносно: Алексовская швыряет во врагов гранатой, выстрелом из нагана пробивает бензобак, зажигает трактор и вместе с шофером последней автомашины скрывается в лесу».

Вечером, доложив майору Галану о выполнении задания, Наталка, помолчав, робко спросила:

— А теперь что мне делать, товарищ майор? Трактор-то погиб...

— Ничего, дочка, — усмехнулся майор. — Хватит с тебя передовой. Ступай в санбат. Доктору как раз медсестра требуется.

Летом 1942 года часть, в которой служила Наташа, попала в окружение. Дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев, возглавивший группу прорыва, перед тем как выступить, собрал коммунистов. Сначала были распределены обязанности на предстоящий прорыв. Каждый коммунист получил задание. Потом Зуев прочитал заявления комсомольцев. Среди них и Алексовской.

— Так ты с Львовщины? — спросил Наталку комиссар. — И я там служил. С тридцать девятого, как пришел с Красной Армией.

— А я вас знаю, — отозвалась Наталка. — Голосовала за вас в Верховный Совет Украины.

— Значит, мы с тобой земляки, — улыбнулся комиссар. И, обращаясь к собравшимся, спросил: — Ну как, товарищи? Примем бойца Алексовскую в партию? Кто «за» — прошу голосовать!

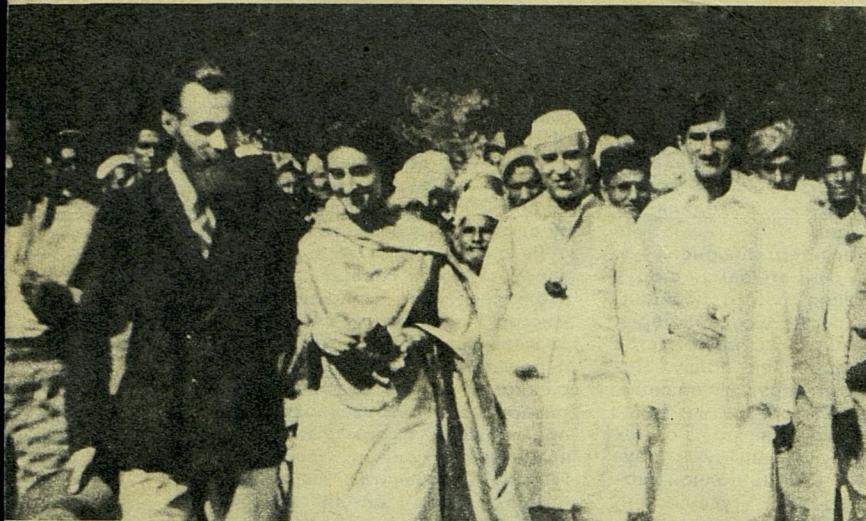
Наталка затаила дыхание. Но коммунисты все как один дружно подняли руки. А через час ударная группа во главе с комиссаром Зуевым пошла в бой и проложила дорогу к своим через вражеские боевые порядки. Но не всем удалось добраться до своих. Многие сложили головы на болотистой новгородской земле. И среди них Наташа Алексовская, та самая, чей снимок был опубликован в «Огоньке» накануне войны.

г. Львов.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Из журнала "Огонек" № 28 за июль 1973.

РУССКИЙ ДРУГ ИНДИИ

Джавахарлал Неру и Индира Ганди в гостях у Н. К. Рериха в 1942 году.

Выступая на посмертной выставке русского художника в Дели, Джавахарлал Неру говорил: «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал множество аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно—тысячи полотен, и каждое из них — великолепное произведение искусства. Когда вы смотрите на картины Рериха, из которых многие изображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих грандиозных гор, которые веками возвышались над равнинами и издревле были нашими стражами. Картины художника так много напоминают нам из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследства, так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы не можем не чувствовать большого долга перед Николаем Рерихом, запечатлевшим этот дух в своих изумительных произведениях».

Дымкой легенды овеяна воистину подвигническая жизнь Николая Рериха. В наш XX век, век торжества узкой специализации, фигура Рериха представляет уникальное, фантастическое явление. По универсальности духа, по синтетическому складу своего гения он вызывает в памяти великих творцов Ренессанса.

Ученик Куинджи (воспитанный сохранил о нем благоговейную память до конца дней своих; он называл его учителем с большой буквы, Учителем жизни), Рерих воспитывался на лучших традициях русского реалистического искусства. Самобытность его дарования проявилась рано. Его полотно, написанное на сюжет древнерусской истории,—«Гонец» и представленное в Академию художеств в качестве дипломной работы, стало настоящей сенсацией. Оно поражало точностью психологического видения времени, оно поражало тревожным напряжением красок. Тут же на конкурсной выставке Академии художеств картина была приобретена для своей галереи тонким знатоком живописи П. М. Третьяковым.

Так называемый «русский период» Рериха—особая глава его творческой биографии. Здесь начало всех начал, исток всех истоков художника. Одна за другой появляются картины Рериха. В них причудливо сочетаются современность и история, фантастика и реальность. Он с успехом осваивает не только опыт ближайших своих предшественников, но и технику древних иконописцев. Современников восхищает одухотворенность его полотен, их поэтическая пластичность и целостность. «Держава Рериха»—так говорил Леонид Андреев об этом мире звучащих красок, мире, где царствовала «магия знака, линии и цвета». Это был мир ощущимой реальности, но лишенный прямолинейной и грубой конкретности натурализма, мир, насыщенный глубокой символикой. Непосредственно перед первой мировой войной художник пишет картину с откровенно аллегорическим названием—«Град обреченный». Именно она дала повод Алексею Максимовичу Горькому назвать Рериха «величайшим интуитивистом» современности.

Уже в те годы тяга к Востоку, устремленность к духовным высотам его определяют творческий поиск Рериха. Восточная мудрость становится неотъемлемой частью внутреннего мира художника. Она дает истинное своеобразие его творчеству. Рабиндранат Тагор увидит особое духовное средство с Индией в стихах, написанных Рерихом задолго до того, как он поселился в Индии. Но, разумеется, здесь не может идти речи о стилизации или подражании чужим образцам. Духовные сокровища индийской культуры переосмыслиены, переплавлены творческим «я», обогащены неповторимой индивидуальностью художника. Скорее здесь может идти речь о той характерной черте истинно русского таланта и гения, которая особенно ярко проявилась в Пушкине и которую принято называть «всемирной отзывчивостью».

Рерих вынашивает планы научной экспедиции на Восток с целью «проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка». Первая мировая война помешала этим планам. Помешала, но не сорвала. В 1923 году началась экспедиция Рериха по маршруту «великого Индийского пути», экспедиция, которая явилась продолжением, развитием, завершением исследований великих русских путешественников: Пржевальского и Семёнова-Тян-Шанского. Она достигла таких пунктов Тибета и Гималаев, куда не ступала нога европейца.

Путешествие Рериха в центральные области азиатского континента длилось пять с лишним лет и делится на два этапа. Летом 1926 года путешествие было прервано: художник и его семья направляются со специальной миссией в Москву. Уже на первом этапе пути произошли знаменательные встречи и события, которые заставили Рериха отложить на время научные исследования.

В Москве Николай Рерих был принят Луначарским и Чичериным. Он передал представителям Советского правительства послание махатм (учителей) индийского народа. В биографии Рериха, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», приводится текст этого письма:

«На Гималаях мы знаем совершающееся Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войска рабов. Вы раздали пауков живы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющее материю. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотою. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали свое-временность Вашего движения и посыпаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии!»

Николай Константинович передал также Чичерины от имени тех же махатм ларец со священной для индийцев гималайской землей «на могилу брата нашего махатмы Ленина». Так было сказано в послании.

Это был не просто акт символического значения. С высоты нашего времени становится понятным, что это был акт пророческого предвидения, закладка камня в фундамент индийско-советской дружбы, которая ныне является столь важным фактором мира во всем мире.

Второй этап экспедиции готовился при активном содействии советских властей. На втором этапе путешественников ждали наибольшие осложнения и трудности. На северном нагорье Тибета (в нескольких переходах от Лхассы—столицы Тибета) Рерих и его спутники были оставлены вооруженным отрядом кочевников. Началась настоящая осада. Путешественники очутились в условиях суворой зимы, на высоте четырех тысяч метров, в летних палатках, без топлива и теплого белья. А морозы стояли такие, что замерзал коньк во флягах. Пять месяцев был отрезан караван Рериха от внешнего мира. На все вопросы лхасское правительство отвечало молчанием.

Было ли это самоуправством местных властей, случайностью, как полагал в свое время Рерих? Документы, ставшие достоянием гласности теперь, говорят решительно: нет. Это была преднамеренная акция английских колониальных властей и британской разведки. Визит Рериха в Москву не остался тайной для британской разведки. Недоверие к Рериху переросло в прямую враждебность. У страха глаза велики, и воображение британских чиновников рисовало художника большевистским эмиссаром, имеющим секретное задание установить коммунистическое правительство в Тибете. Сорвать экспедицию — вот чего добивалась английская тайная служба, рассчитывавшая на гибель участников экспедиции в суворых условиях и в стычках с кочевниками. Совершить преступление чужими руками, сделать вид, что они ни при чем,— это был излюбленный прием британских властей. На прямую вооруженную акцию они пойти не могли: слишком известно было имя Рериха во всем мире. И после пяти месяцев проволочек, молчания, недомовок британские чиновники были вынуждены отступить перед несгибаемой волей Рериха и его спутников. Экспедиция продолжила путь. Хочу перечислить имена участников этой легендарной экспедиции: Николай Константинович Рерих, его жена Елена Ивановна, правнучка фельдмаршала Кутузова, унаследовавшая героический дух своего предка, их сын — знаменитый ученый-востоковед Юрий Николаевич Рерих и две девушки-казачки, связавшие свою судьбу с семьей Рериха, Людмила Михайлова и Ираида Михайлова Богдановы.

В конце двадцатых годов Рерих поселился в долине Кулу, у подножия Гималаев. Он основывает Гималайский институт научных иссле-

дований. Начинается «индийский», самый зрелый, самый плодотворный период его творчества. Гималайская серия картин, запечатлевшая древних и вечных стражей Индии,— вершина мастерства художника. Исследователь творчества Рериха Н. Чукина пишет: «Временами горы Рериха напоминают минералы, излучающие цветовую энергию... От контрастного соседства воспламеняются, загораясь, краски. Пользует красное марево диковинных горных закатов и восходов, интенсивно фосфоресцируют бархатисто-синие дали. Не случайно поэтому создается впечатление, будто художник пишет растертыми драгоценными камнями: кораллами, лазуритом, янтарем, изумрудами». Но, разумеется, не только над пейзажами трудится кисть прирожденного певца гор. Его творческим воображением владеют «всенародные, прекрасные и достоверные образы», ставшие легендарными в умах людей. Напряжение борьбы сил света и тьмы, столкновение светлых и темных стихий, земли и неба — вот основная тема творчества художника. Рерих с полным правом мог назвать свой стиль стилем «героического реализма».

Приблизительно и условно разделение творчества Рериха на два периода, бытующее у искусствоведов,— на «русский» и «индийский»: в «русский» период он неоднократно обращается к индийским сюжетам, а на склоне лет, в разгар увлеченной работы над гималайской серией, пишет знаменитые картины на русские темы: «Сергий-строитель», «Святогор», «Настасья Микулична». Точнее существа дела выразил сам художник, когда внес в записную книжку слова: «Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи».

Рерих счастливо соединил в себе два истока. Его творчество, органически сочетающее русские и индийские мотивы, стало своеобразным мостом между двумя странами, а имя его превратилось в символ единения двух великих культур.

Среди сверкающего великолепия гималайских снегов Рерих ощущал себя полномочным духовным представителем русского народа. К Родине обращены его сокровенные мысли: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах будем оборонять». Эти слова, звучавшие так активно, наступательно, призывающе, написаны Рерихом накануне гигантской схватки советского народа с фашизмом.

«Темные тайно и явно сражаются»,— любил напоминать Рерих. Ему была чрезвычайно близка мысль Толстого о том, что если силы тьмы и зла организованы, то тем настоятельнее необходимость сплочения сил добра и света. В статьях Рериха можно обнаружить прямую перекличку с этой мыслью: «К стыду человечества, силы тьмы весьма организованы, тогда как позитивные поиски затруднены многими блужданиями и неосмотрительными отравлениями».

Рерих раскрывает хитрую механику темных сил:

«Они бывают крепко организованы, очень изысканны и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и фильмы, и радио, и все надземные и подземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомленности. Они пользуются каждой неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла... Правда, тьма рассеивается от света, но ведь этот свет должен быть интенсивнее тьмы, чтобы рассеять ее».

«Свет должен быть интенсивнее тьмы». Поэтому Рерих никогда не замыкался в творческом уединении от нужд и тревог века. Из далекого индийского селения он руководил широким общественным движением за подписание пакта о защите культурных ценностей во время войны, пакта, вошедшего в историю под именем Пакта Рериха. Как известно, этот документ лег в основу Международной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, подписанный и ратифицированной многими странами мира, в том числе и Советским Союзом.

Почти четверть века прожил Николай Константинович Рерих в Индии. Он был дружен с выдающимися деятелями индийского народа: Махатмой Ганди, Рабиндринатом Тагором, Джавахарлалом Неру, Индией Ганди. Восхищение высокой духовной культурой Индии диктовало Рериху нежные и прозрачные, исполненные света и любви строки:

«Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же никто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравняются с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любовью поверхность сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглядывается, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости!

Невозможно чем-либо насилиственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великому ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество».

И сердце Индии было отзывчиво к подвижническому труду Рериха. Любовью окружено имя Рериха в Индии. Здесь и сейчас к его имени обязательно добавляют почтительно-благоговейное Гуру (Учитель). А над местом окончательного упокоения художника (он умер в 1947 году, накануне возвращения на Родину; уже были упакованы и приготовлены к отправке сотни его картин, по завещанию художника, они переданы в дар нашему народу) высится камень-обелиск с краткой, величественной надписью: «В декабре 1947 года здесь было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ВОРОНИНА

ТВОРЧИЙ

ДОБРОТУ

Первая его книга рассказов («Встречи») вышла в свет более четверти века тому назад. За прошедшее с той поры многое летие Сергей Алексеевич Воронин стал известным прозаиком, автором многочисленных рассказов, ряда повестей и романов на современную тему. Книги его читаются уже не одним поколением советских читателей, признаны они и за рубежом.

Равнодушной аудитории у Сергея Воронина нет да и быть не может. «Секрет» его контакта с читателями прежде всего в том, что писатель создает в своих произведениях широкую и яркую панораму современной нам нови, обогащая нас своим жизнедеятельностью.

Житейский опыт Сергея Воронина, обширный и разнообразный, складывался задолго до того, как он стал литератором. Учебные годы «фаббайца», последующая работа на заводах токарем, а затем техником в партиях по разработке новых трасс для прокладки железнодорожного полотна и, наконец, нелегкий труд газетчика в сельских районах — таков долголитературный путь Сергея Воронина, видевшего, познававшего свою Родину на многих ее широтах — от Черноморья до Дальнего Востока, от Севера России до Урала.

Секрет прочного контакта писателя с читателями состоит и в том, что в его произведениях создана некая своя атмосфера идейных, нравственных и эстетических исканий, открытый, дорогих писателю убеждений, принципов, то есть тот пафос субъективности, говоря языком Белинского, без которого в произведениях не будет ощущаться душа художника, его личное отношение к изображаемой им жизни, душа гражданина, гуманиста, правдоброда, актива участника строительства нового мира.

Автор романов «Две жизни», «На своей земле», повестей «Ненужная слава», «Всего дороже», таких замечательных рассказов, как «Солнечная долина», «У начала начал», «Рассказ о войне», «История одной поездки» (не перечислить всех его превосходных рассказов!), Сергей Воронин как бы прокладывает людям дорогу к новой

жизни, к необходимым силам обновления, зовет к укреплению в себе воинствующей, творящей доброты, жизнелюбия, жизнеутверждения. «Бывает такое состояние у человека, когда его правда перерастает страх угрожающей смерти за нее», то есть за правду. «До чего же хороша жизнь! — такой смысловой и эмоциональный тон всего романа «Две жизни», полного скорбных историй, тяжелых испытаний, переживаемых его героями. Но роман заряжен сильным током мужества, волеустремления таких людей, как Костомаров и Ирина, Алеша и Мозгалевский, Перваков и Лавров, дело которых превращается в их вторую жизнь, ибо работают они «для народа, а народ — это наша совесть и смысл жизни». Жалок тот человек, кто не сумел «пронести мечту о великом счастье, без которой невозможно жить...»

Открытая тенденция, вернее, открытая позиция автора не превращает художественные сюжеты рассказов в назидательные притчи. Рассказы динамичны по сути действий персонажей, которыми будто бы совсем не «управляют» автор: «И тут начался один из тех монологов, на которые способны только русские». Удивительно это умение писателя — не навязывать «своих» героев, а приближать их к духовному зренiu читателя и как бы вместе с ним находить в этих с вида обычновенных людях что-то важное, необходимое, интересное. А все это получается у Сергея Воронина оттого, что он вместе с героями своими рождается «открытым» им закону:

— Ах, какой это славный закон человеческого бытия — вера в хорошее!

Отсюда и скромная гордость, гражданская, патриотическая, гордость за человека нашей советской эпохи.

Неизбытен процесс обновления, преображения жизни.

Сергею Воронину должно продолжать свое любовное познание действительности, вновь и вновь доставлять своим читателям радость творческого соучастия в понимании жизни ради ее совершенствования.

В. СИДОРИН

ДАЛЬНЯЯ ПОЕЗДКА

Майя ГАНИНА

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

1

Она спустила ноги с койки, сразу ощущив равномерную качку, услышав шурканье волн по обшивке. Открыла дверь, сильно придерживая за ручку, загораживая вход. Коротко стриженная туристка в зеленом целинном костюме попыталась все-таки войти, рванула дверь дважды, но ничего не вышло.

— Пустите к себе на пол двух человек? — Туристка через ее плечо заглянула в просторную люковую каюту. — На палубе очень холодно. Другие люксы пустили уже.

— Нет.

— Почему? — Туристка поставила носок кеды в оставшуюся еще щель. — Правда, очень холодно, девчата все попростужались.

Она молча затиснула дверь, повернула ключ. Та, в целинном костюме, побарабанила еще из озорства, потом ушла.

«Господи, да оставьте меня в покое!» Пронеся эту фразу про себя, она выругалась вслух и тяжко прослезилась. С детства внушали, что человек должен помогать человеку, что надо быть добрым. К тому же она совсем недавно была доброй, воспоминание об этой доброте еще оставалосьней, еще управляло ее поступками, и сейчас ей пришлось сделать усилие, чтобы поступить вопреки.

Но смертельно невозможно было ощущать тут близко присутствие кого-то другого. Сейчас ей была необходима нора, куда можно заползти и исчезнуть.

Она повязалась старушечьим шерстяным платком, влезла в резиновые боты, натянула зеленую куртку с капюшоном. Одета она теперь была, как и все тут, только глаза были старые. У остальных, даже у немолодых пассажиров, в глазах стояло веселое нетерпение: «Я в Тихом океане, что дальше?..» Они легко сближались, еще вчера незнакомые друг с другом, с ней же не заговаривал никто.

Женщина вышла на открытую палубу. Волны огромно падали на нос, шумно орошая скобленые доски палубы, чугун киант и лебедку. Опять ударялись, вздыхаясь, и снова опадали. И в этих маниакальных попытках, в этих ежеминутно неотвратимых обещаниях великого и отсутствии свершения существовало нечто, угнетавшее бессмыслицей. Неба не значилось: была серая рыхлая мразь, слившаяся с серой рыхлостью летевшей вверх воды.

Нагибаясь перед ветром, она прошла вперед, поисками, на что бы сесть. Но все было мокрым, и она села на свайку каната, сунула руки в рукава, съежилась.

Рвал и трепал холодный ветер, нос теплохода, возвышаясь над океаном, словно тек вперед. А океан уходил назад, мелко колыхаясь остренькими черными волнами. Слои тумана проходили над водой на разной высоте: плотные, имеющие верхнюю плоскость и нижнюю, словно льдины. На бушприт села чайка, замахала крыльями, закричала тоненько и зловеще:

«Скри-и, скри-и...» Поглядела на женщину, повернув белую круглую голову, потом снова взлетела и стала взвиваться над водой, поворачиваясь так и так, словно лист бумаги, подхваченный ветром.

Стало светлее.

Оттого, что ветер напирал все с большей силой, вынуждая сопротивляться, напрягаться, было ощущение заняности. Снова появились чайки, планировали над палубой, потом молча обрывались вниз и снова взлетали с криками.

...«Кто такой... этот мужик у Баранова?» — спросила она Клавдию Ильину. «Не узнаешь?» — Та назвала фамилию и улыбнулась многозначительно, насмешливо. Они дружили уже лет двенадцать, Клавдия знала про нее много. «Вот как? — Она приподнялась, чтобы поглядеть еще. — Зачем он к нам?» «Матушка, он не впервые. Альтиметр мы для него изготавливаем. Он главный конструктор темы».

Немного полноватый для своих лет, потому выглядевший невысоким, белокурый, толстощекий, голубоглазый. Герой не ее романа, да она не с этим и разглядывала его. Он стоял, опершись тонкими пальцами о стол начальника бюро, потом прошелся по кабинету, чуть ссутуляясь и вывернув плечи вперед. «Как шахтер», — подумала она. Он остановился возле самого стекла кабинки и посмотрел, не видя, потом поднял голову, в глазах его мелькнуло любопытство, но тут же отвел глаза и даже покраснел. На тонкой желтоватой коже краска расплодилась быстро и заметно. Баранов что-то сказал ему и засмеялся. Он тоже засмеялся, но уже отвернулся и больше не глядел.

Она опустила голову и стала работать, перенося кронциркулем размеры на чертеж, но внутри была по-детски довольна, что такая значительная личность остановила на ней свой взгляд.

Тогда ей было тридцать шесть, ему тридцать два. Он был довольно известным в их системе конструктором, кандидатом наук, она читала несколько его статей: своеобразно, резко написанные — ей тогда запомнился человек, стоящий за статьями.

Ветер стал теплее и реже. Обсохла палуба. Где-то начало появляться солнце. Океан поголубел, стал гладче и все неуклонно утекал назад, покачиваясь равномерно.

Впереди, прямо среди голубой воды, вдруг возникла черная конусообразная скала, перечеркнутая двумя полотнищами тумана. Рядом — еще такая же. Вулканы словно плыли в океане — ярко-черные на голубом, освещенные сзади ожиданием солнца. Видно было каждую складку камня, даже желтые подтеки серы у кратеров. Красиво — и она привычно подумала: «Обязательно надо с Митей...» — и будто ударила. Снова съежилась, опустила голову на колени. Было, наверное, еще часа четыре, пассажиры спали.

Теперь ей даже самой непонятно, почему ее зацепил тот Митин взгляд. Вроде уже взрос-

лая женщина, позади было и замужество и всякие сложные ситуации. Весь остаток дня она сидела, и думала о нем, и считала почти машинально. Перед концом работы она подошла к Володе и сказала, что необходимо сегодня пойти в «Будапешт».

Они сели за столик у зеркала в самом углу. И она следила за входившими. А когда наконец появился Митя и один, она толкнула Вовку: «Пригласи его к нам». Вовка сказал: «Понятно, но это пустой номер, старуха, точно. О нем известно, что он любит «простенеки», в Киеве у него романы исключительно с продавщицами газоводы...»

Митя сел к ним за столик, они вместе пили и разговаривали, он смотрел, как она курит и ломается, ну, а она смотрела на Митино лицо, жадно стараясь понять, что там, — и слышала усталость, задерганность страшную за желанием выглядеть веселым и развязным. И еще — суховатость, или замкнутость, или, может быть, боязнь обнажить свою уязвимость. Где-то через час он достал таблетку и запил ее боржоми. «Пятерчатка», — ответил он на ее немой вопрос. «Голова болит». На виске у него заметно билась синяя жила.

«Ребята, — сказал Володя, — мне пора. Сегодня у нас со Славкой ночная работа: халтурку добиваем, понимаешь? Он в десять придет». «Пошли», — отозвалась она без охоты. «Посидите еще, оркестр хороший». Как ее осенило тогда сказать: «Да нет, я пойду тоже, я взяла листы тут чертить одному типу для диссертации». Вовремя сказала, потому что Митя сдвинул брови, почти одновременно произнес: «Извините, но я уезжаю через час, мне еще собраться надо».

Подозвали офицантку, расплатились, она положила свои семь рублей тоже, чтобы он увидел: у них с Володей просто дружба. Разошлись. Митя уехал. Первые два месяца она ждала его приезда ежедневно, то и дело оглядывалась на кабинет начальника. Потом постепенно прошло.

К времени сдачи пробного образца Митя приехал, но после этого снова пропал. Альтиметр вместо него принимал другой представитель заказчика, а о Мите стало известно, что он лежит с тяжелым сердечным приступом. Спустя еще какое-то время заговорили, что он попал в психоневрологическую больницу: тяжелое нервное переутомление. Она посочувствовала по-человечески, но без личной зaintересованности.

К этому времени в ней вроде бы поискала жажды жалеть и жалеть кого-то; поэтому она спокойно решила, что в тридцать шесть не страшно и выйти из игры. Есть другие радости жизни. К тому же она любила свою работу.

Правда, похвастаться, что чувствовала призвание к приборостроению с детства, она не могла. В машиностроительный техникум во время войны она поступила просто потому, что студенты получали «служащие» карточки. «Станки» и «Машиностроение» она терпеть не

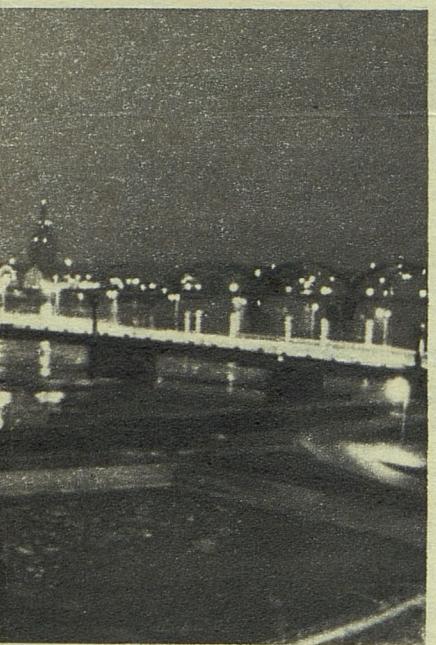
Nikolai Konstantinovich

4(8)

7

ИГА

фронтом прибыло в Ставку, где мы обсудили, а потом закончили разработку Псковско-Островской операции.

— Какой была ее главная цель?

— Освобождение городов Пскова и Острова, прорыв заранее подготовленной вражеской оборонительной линии «Пантера», проходившей по берегу Великой.

Задача эта была сложной. Здешняя местность — леса, озера, болота, реки — очень удобна для ведения долговременной обороны. Наступающим трудно маневрировать своими войсками, трудно вводить в прорыв главный ударный кулак — механизированные части. К тому же еще до под-

хода ко второй полосе обороны «Пантеры» мы должны были израсходовать немало сил на прорыв первой линии обороны и форсирование реки Великой. Другими словами, если бы мы пошли напролом, в тяжелых боях наши наступательные возможности могли иссякнуть задолго до решения основной задачи.

И тогда Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин спросил, нет ли у нас какого-нибудь плацдарма на западном берегу Великой, чтобы использовать его для сосредоточения сил и удара непосредственно по «Пантере». Заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов сказал, что такой плацдарм есть у 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Верховный предложил передать нашему фронту и этот плацдарм и саму армию.

Два дня ушло на разработку плана Псковско-Островской операции. 5 июля ее обсудили и утвердили в Ставке. И мы — командующий фронтом генерал армии Масленников И. И., начальник оперативного Управления фронта, генерал-майор С. С. Броневский и я — выехали к себе, в район Порхова, чтобы на месте готовить войска фронта к наступлению.

— Таким образом, ваш фронт вошел в Прибалтику несколько позже соседей?

— Да, 4 июля 1-й Прибалтийский еще в ходе Белорусской операции вступил на территорию Литвы. И через девять дней освободили Вильнюс. А 10 июля 2-й Прибалтийский нанес удар на участке Резекне — Мадона.

Мы начали наступление южнее Псковского озера семнадцатого июля. Взял Псков и Остров и прорвав оборону противника на этом направлении, наши армии вступили в Эстонию и Латвию. 25 августа они освободили Тарту, подошли к Валге.

— И тогда перед вами открылся прямой путь на Ригу? Оставалось сделать последний рывок...

— На карте этот путь действительно выглядит прямым и коротким. Но только на карте...

На Рижском направлении перед нашими войсками находились три оборонительных рубежа противника. Первым был рубеж «Валга», имевший две полосы обороны глубиной 10—12 километров. Вторым «Цесис», находившийся километрах в 80 от переднего края: одна сплошная траншея с оборудованными огневыми позициями. В 25—40 километрах от него проходил третий рубеж — «Сигулда», который имел две оборонительные полосы и три промежуточные позиции. Кроме того, в районе самой Риги были созданы оборонительные обводы...

И опять ко всему нужно добавить рельеф местности, который способствовал обороняющимся и скрывал действия наступающих. Лишь я все это хорошо представлял задолго до операции: служил в Прибалтике перед войной, а летом сорок первого отступал лесной глухоманью от границы с Восточной Пруссией к Полоцку.

Так подробно об обороне врага я говорю не только из профессиональной привычки кадрового военного. Даже неспециалист, узнав, что противостоял противнику нашему наступлению в Прибалтике, может понять, какого мужества и героизма потребовало от советского солдата ее освобождение, может оценить мастерство и талант советских полководцев...

— Что определило успех операции?

— Наше умение воевать. К сорок четвертому году мы не только научились делать прорывы вражеской обороны, окружать его группировки, а потом уничтожать их. Мы научили противника со страхом относиться к нашим «котлам», к самой возможности оказаться в «мешке». И это помогало нам побеждать.

На первом этапе операции в Прибалтике наши войска к концу сентября полностью освободили материковую Эстонию. Спасшиеся от уничтожения и плена гитлеровцы частью бежали на острова Монзундского архипелага, частью отступили к Риге. Гитлеровское командование решило, что именно теперь 1-й Прибалтийский фронт нанесет главный удар в сторону латвийской столицы, и спешно укрепляло свои позиции на этом направлении. А фронт на самом деле только имитировал подготовку наступления на Ригу. За шесть суток он скрытно перегруппировал свои главные силы в район Шяуляя и пятого октября нанес удар в направлении Клайпеды. Через пять дней наши войска вышли к берегу Балтийского моря севернее южнее этого важного морского порта.

— Таким образом, гитлеровская группа армий «Север» оказалась отсеченной от Восточной Пруссии и всей остальной Германии?

— Да. Противник пытался восстановить положение, даже снял с Рижского направления некоторые свои части, чтобы ликвидировать прорыв. Но было поздно. Угроза расчленения всей группировки с последующим окружением и уничтожением этих войск заставляла врага в спешке принимать решения, которые позволяли ему еще сопротивляться, в какой-то мере оттягивали окончательный разгром, но остановить наше наступление уже не могли.

К 11 октября 67-я и 61-я армии нашего фронта вышли непосредственно к Риге с северо-востока и востока, 1-я ударная армия — с юга. По западному берегу Даугавы наступали войска 2-го Прибалтийского фронта, в состав которых входил 130-й Латышский стрелковый корпус.

С северо-востока и востока Рига прикрыта Киш-озером и озером Юглас. Попытка нашей 61-й армии ворваться в город вдоль Псковского шоссе по узкому дефиле между этими озерами успеха не имела. Немцы создали на перешейке мощную противотанковую и противовоздушную оборону и сопротивлялись отчаянно. Это и понятно. Отступая к Риге под ударами наших армий, враг сосредоточил в городе большое количество живой силы и техники. Гитлеровское командование все еще надеялось на чудо и разрешило отвод этих войск на западный берег Даугавы только с вечера 12 октября. Все переправы через реку были забиты техникой. А саперы спешно минировали главные здания и предприятия города.

Мы могли бы пойти на решительный штурм, и, я уверен, он увенчался бы успехом. Ведь на этом участке у нас было сосредоточено до 300 стволов артиллерии на один километр фронта. Мы могли взять Ригу таким способом, но город бы пострадал. И тогда созрело иное решение.

119-му стрелковому корпусу генерала Н. Н. Никитина, который вышел на берег Киш-озера в районе Яунциемса, был придан 285-й от-

дельный моторизованный батальон особого назначения, которым командовал подполковник Киселев. Батальон имел 76 автомобилей-амфибий, автоматчиков, саперов, минометчиков, и главное — у этой части был опыт форсирования водных преград.

Киши-озеро в этом месте широкое, километра три, и гитлеровцы считали эту водную преграду своей надежной защитой, а потому не особенно укрепили его западный берег. Когда к вечеру 12 октября наши амфибии при поддержке огня самоходок перебросили через озеро первую группу десантников, она, сломив сопротивление вражеского заслона, сумела захватить в Межапарке небольшой плацдарм. При подходе следующих эшелонов десантников этот плацдарм расширялся, и к пяти часам утра 13 октября через озеро была переброшена основная часть бойцов 374-й и 376-й стрелковых дивизий.

Когда противник обнаружил в тылу своей обороны наши войска, он начал спешно отходить к реке. Это позволило и 61-й армии ночью двинуться вперед. Поняв, что «на плечах» отступающих мы ворвемся в Задвинье, гитлеровцы в половине второй ночи взорвали все переправы через Даугаву, взорвали вместе со всей техникой и людьми, которые в это время на них находились. Успели они подорвать и некоторые из минированных зданий, другие — подожечь. Но полностью осуществить свой план по уничтожению предприятий и важных сооружений города они не успели.

К утру все правобережье, основная часть Риги, было освобождено.

— Когда вы сами вошли в город?

— Днем тридцатого. Вместе с начальником политуправления фронта генерал-лейтенантом Лобачевым мы проехали на «виллисе» по улицам города. До войны я бывал в комендантских в Риге — тогда тут находился штаб Прибалтийского военного округа, — так что немного знал город. Едем с Лобачевым, а я и узнаю и не узнаю знакомые улицы. На мостовых лежат убитые. Разбитые дома. Пожарища. Кое-где еще постреливают, и на улицах совсем нет народа. Остановим машину, вдруг откуда-то из подворотни выйдет человек, из подвала — другой. Потом — их соседи. И вот уже тебя окружает толпа: распросы, улыбки, слезы — наши пришли. Знакомая картина. Я видел ее всюду, где приходилось освобождать оккупированные города: в Подмосковье, под Сталинградом, в Днепропетровске, Одессе, Пскове, а теперь вот в Риге.

— А что было дальше?

— Выбили немцев из Задвинья. Вышли к Приедене. Полоса нашего фронта сократилась до 12 километров, и впереди было Балтийское море. Ставка решила расформировать Управление 3-го Прибалтийского, а его войска передать другим фронтам, в частности 2-му Прибалтийскому, который блокировал остатки группы армий «Север», так называемую курляндскую группировку. Ну, а я вскоре получил направление в 1-й Прибалтийский фронт, который штурмовал Восточную Пруссию.

— И закончили войну почти там же, где ее начали...

— Да. Мы вернулись. С победой.

Беседу вел Леонид ПЛЕШАКОВ.

ЗНАМЯ СВЕТА

Валентин СИДОРОВ

9 октября исполнилось сто лет со дня рождения великого русского художника Николая Константиновича Рериха (1874—1947). Народы Советского Союза и Индии отмечают эту дату как праздник советско-индийской дружбы, ибо жизнь и творчество художника безраздельно были отданы единению двух великих стран. Журнал «Огонек» в № 28 за 1973 год опубликовал статью «Русский друг Индии», посвященную жизненному пути художника. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из книги Валентина Сидорова «На вершинах». Здесь собраны высказывания Рериха о творчестве. Легко убедиться, что они не представляют лишь академический интерес.

Книгу стихов Рериха, изданную при жизни художника, предваряет эпиграф:

«Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.
Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса».

Несомненно, здесь есть ключевое слово, к которому, как к магниту, тяготят вся поэзия возвышенных строк Рериха. Это слово — Россия. Тогда не были еще написаны стихи Кедрина, что так зозвучны эпиграфу и проясняют его сокровенную мысль: «Я теперь понимаю, что вся красота — только луч того солнца, чье имя — Россия!»

К России обращены все мысли художника. Россия — солнце и сердце державы Рериха. И есть что-то знаменательное и символическое в том, что первый космонавт Земли Юрий Гагарин сказал о просторах Вселенной, впервые непосредственно открывшихся человеческому взгляду:

— Необычно, как на полотнах Рериха.

Под пером Рериха традиционные, в какой-то мере стершиеся понятия обретают духовную окрыленность. Словно птица Феникс, они воскресают из пепла, утверждая свою первозданность. Слово «культура», которому художник придавал организующую и преобразующую роль, он разбивал на два корня. Культ (почитание) и Ур (свет). «...культура есть почитание света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевленно и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства».

Не знаю, верно ли это определение с точки зрения лингвистики, но оно верно по светящемуся существу своему.

«...множество людей полагает вполне возможным замену слова Культура цивилизацией... Казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общественности, то есть цивилизации, которая в высоком синтезе создает вечное неистребимое понятие культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибнуть, может совершенно уничтожиться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль».

По мнению Рериха, разница между двумя понятиями принципиальная. Условные формы цивилизации зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Одна цивилизация, «один белый воротник, гольф и телефон не есть устои культуры». Рерих не без сарказма пишет:

«Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации».

Одним словом, «цивилизация обозначает нечто в пределах внешней общественности, но культура прежде всего имеет в виду духовные ценности». Из печального и трагического опыта современной ему буржуазной действительности художник сделал ясный, решительный вывод.

«Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами... без преувеличения сокровища культуры являются оплотом народа».

Культура, как свет, что зашифрован в начертании самого слова, понятие всепроникающее.

«Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придем к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. Прекрасное — это благородный водитель всей нашей жизни!

...Знамя культуры все равно, что знамя труда. Знамя беспредельного познавания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь к празднику культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого».

«Свет побеждает тьму!» — не раз во всеуслышание заявлял Рерих. «Сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своем устремленными к знанию и красоте, мы можем оставаться оптимистами».

«Культура... есть служение Свету».

«Культура не может цвести без энтузиазма. Культура окаменеет без огня, верности и преданности. Культура обеднеет без ежедневного труда, без сознательного приношения. Культура умолкает там, где сердце немо. И что может быть прекраснее, нежели мирный, всепонимающий язык сердца? Не мечтатели мы. Повторяя, когда мы говорим о культуре, мы все реалисты, позитивисты, для которых прогресс человечества особенно драгоценен и неотложен».

«Тот, кто решается сказать: «К черту культуру», есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть самоубийца».

«Что у меня есть самое любимое? Самое дорогое? Красота», — не раз повторял Рерих. В одной из передач делийского радио он говорил: «Не опасайтесь твердить о Красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое».

Красота с большой буквы (как пишет нередко Рерих) имеет свою довольно сложную историю. Порой это слово насыщали мистическим смыслом. Иногда оно становилось отвлеченным и безжизненным символом. А иногда звучало всеохватно: «Прекрасное есть жизнь!»

Не будем сосредоточивать внимание на его внешнем начертании. Посмотрим, каким духовным содержанием обеспечено это слово у художника.

«В красоте — не сентимент, но реальность, мощная, подымающая, ведущая, — считал он. — Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красоты, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь».

Счастье — в радости. Радость — в красоте».

Красота для Рериха — это внутренний свет человека, пробудившегося к творческому действию. Известно, что слова «Любовь, Красота, Действие» художник считал формулой международного языка. Эти понятия для него не существуют порознь. Для Рериха они живут в диалектическом единстве. Неназванные, они обязательно присутствуют, если речь заходит о том или ином собрате их содружества. И неспроста триаду замыкает энергичное слово «Действие», зовущее к труду и духовному напряжению. «Любовь без дел мертвя». Красота утверждается руками человеческими: «Поистине обязанность наша — вводить Прекрасное... всюду».

«Миру предстоит славное строительство, — словно заглядывая в будущее, говорит Рерих. — Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда».

В словах торжественных и возвышенных Рерих возвещает «радость, сужденную всему миру». «Час утверждения Красоты в жизнь пришел», — считает он. — Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии».

Тайну и красоту познания для Рериха олицетворяет традиционный образ сказочных врат. Этот аллегорический образ обретает у него вещественность и конкретность, а символ превращается в указание практического характера.

«Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденым ключом». Этот чудесный, сужденный человечеству ключ — красота творческого труда. «Какое прекрасное слово — «творчество»! — пишет Рерих. — На разных языках оно звучит зовущее и убедительно. Оно в самом деле уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и убедительном. Люди радуются этому слову, как символу продвижения... Оно ведет за собою человечество». Оно, уверял художник, «имеет воистину космическую значимость, ибо что такое красота, ведущая к познанию Космоса? Это и есть творчество».

Проявления творчества многообразны, как бесчисленны разнообразные проявления жизни. Они не замкнуты в строгие границы определенных форм искусства и не привилегия гигантов духа: «Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей: не только о Вагнерах, о Шалляниных, о Рембрандтах идет речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха».

Каждая истинная работа имеет свою красоту, говорит Рерих, всем стилем своей жизни утверждая незыблемость сказанного. По свидетельству современника, он с одинаковым интересом и энтузиазмом подходил как к малым, так и к великим вещам. Рисовал ли он великолепный гималайский пейзаж или писал краткую статью для школьного журнала, он уделял им одинаковое внимание и заботу.

Но важна не только форма творческого выражения сама по себе. Девиз художника, который он повторял как лозунг: «Качество, качество, качество! Во всем и всегда! Доброта, добродетельность мысли, добродетельность воображения, добродетельность в исполнении...» Вопрос о качестве перерастает для него в вопрос нравственности, имеющий непосредственное отношение к личности творца и его духовному миру. «Пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгающихся. О качестве мыслит молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаясь! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце...»

В одном из стихотворений художник писал:

Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знанье. Знамя света
над тобою блещет!

«Люди часто отчаяются от радости. Они окунают свое мышление в такие темные, тенистые застои, что на каждый привет подозрительно ответят: «Нам ли радоваться?» Да, милые мои, именно вам. Не может быть такого положения, в котором бодрый дух не увидел бы просвета.

...Каждая радость уже есть — новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерян даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое роение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткою к нему».

Радость — это особого рода мудрость. Мудрость творческая, преобразующая. Радость, выявленная созидающим духом человека, — это уже оружие света; она, как гласит древняя мудрость, сила непобедимая.

Реализм в искусстве для Рериха — исходный пункт не только его эстетической, но и этической программы. Мерой его оценки не раз служили слова Веласкеса: «Не картина, но правда».

«Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение», — говорил Николай Константинович. — Иначе всякие паранойные туники не дают возможности новых нарастаний. Без движения не будет и обновления, но новизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видели жилища, увешанные абстракциями... Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает... Сердце требует песни о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества».

Художник был уверен, что только реализм утверждает подлинную свободу творческого духа. Все остальное — иллюзии, заводящие в тупик. «Бесконечные говорения о чистом искусстве... сделали то, что искусство перестало быть свободным. А в то же время Рафаэль или Леонардо да Винчи, получавшие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творчества. Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм, как прочную отправную точку».

Только реализм может вместить действительность во всем ее многообразии и духовно освоить ее: «Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм».

Это понятие Рерих толкует многогранно и объемно. В нем он видит проявление нравственного здоровья, сердечной чуткости и духовной устремленности русского народа. «Сюрреализм и большинство всяких «измов» не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в трущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народа отлично знает, что от реализма открыты все пути».

Определяя свой стиль, Рерих к слову «реализм» добавляет эпитет «героический». И он имеет на это полное право, ибо столкновение света и тьмы — постоянный мотив его творчества. Гэсэр-хан, бесстрашно пускающий стрелу в сгустившиеся кроваво-темные тучи зла, не только символ, но и своеобразный автопортрет художника. Кто-то верно заметил, что если взять произведения Рериха (как живописные, так и литературные), то даже одни названия их свидетельствуют о духе героизма, подвига и созидания.

— Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты, — призывал Рерих.

Пафос ленинских слов «Надо мечтать!» неоднократно повторяется в его статьях и выступлениях. «Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существование их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытых имеют не только расчет, но, именно, высокую жизненную мечту».

Рерих сближает понятия «героический реализм» и «социалистический реализм». Чувствуется, что они для него синонимы. 24 мая 1945 года он записывает в дневнике: «В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского. В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства».

Русское художество идет широкой здоровой стезею геройского реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества.

Победа! Победа! И сколько побед впереди!»

НЕОЖИДАННЫЙ РЕРИХ

Весной 1958 года все улицы Москвы вели на Кузнецкий мост. Многочасовая очередь медленно втекала в крошечное здание Выставочного зала, откуда поодинокие выходили очарованные люди и останавливались на пороге: они тягали ориентиры и не знали, куда идти, московские дома долго назывались им гималайскими сказками, и московское солнце обретало новые краски, прежде невиданные. Иные, не успев пройти в себя, снова вставали в очередь... Так торжественно вернулся на Родину великий русский художник Николай Рерих, не доживший до тех счастливых дней с лишком десять лет. Сегодня, спустя еще шестьдесят лет, извлеченный из библиографических испоконемых, и нам вернулся Рерих-поэт, объяснивший многие из тайн своих полотен. И главная из них — тайна экзотики. Мы привыкли с недоверием и даже настороженностью относиться ко всему необычному, из ряда вон не то что выходящему — высоканивающему: слишком часто за ослепляющей яркостью обнаруживались пустота и безмыслие. Но вызывающие самобытный Рерих заставил поверить в себя сразу и навсегда. В его самобытности заключена мудрость. Стихи художника проливают свет на смыслы его живописи,

хотя ни в коей мере не иллюстрируют ее.

Экзотичны всполохи света из глубин Тибетской Азии, они разрушают привычные законы художественной геометрии и строят полотно по законам своим собственным. Экзотичен свободный стих Рериха, столь мало свойственный русскому стихосложению, что кажется стилизацией: кстати говоря, безrepidуций картин художника их читать не следует, впечатление нарочитости останется неотвязным. Экзотичны темы рериховских стихотворных циклов: «Знания», «Вестника», «Мальчику», его программной поэмы «Наставление ловцу входящему в лес». Когда, в какую эпоху все это писалось? К какой народ вызвал к жизни эти стихи? Ответ — содержание самих стихов:

Бойтесь, когда спокойное придет в движенье. Когда посиянные ветры обратятся в бурю. Когда речь людей наполнится бессмысленными словами.

Маленькие танцующие хитрецы! Вы готовы утопить себя в танце.

Тревога перед грядущей бурей, предчувствие глубочайших социальных переворотов звучат в нах-

дом слове стихотворения «В танце». Только в предреволюционной России могли быть созданы эти строки. Интелигенция, обнаружившая с ужасом распад связи времен, обратила свои взоры на Запад. Но Рерих именно на Западе и видел источник распада связи времен, распада связи племен. Его влечено на Восток, к началу общности, к началу великого индоевропейского племени, как в свое время влечено к Древней Руси, к началу славянства. Восстановить в искусстве утраченную связь разбросанных по континенту народов — эта идея легла в основу творчества и неутомимой общественной деятельности Н. К. Рериха.

Мир народам, считал Рерих, несет знание и красоту. Вера поэта и художника в прекрасное не умозрительна: «Путь будет наш наменист» — эта мысль сопровождает движение лирического героя Рериха к совершенству. Тема «Вестника» и в стихах и в живописи разрешена одинаковой фигурой, одолевающей бесконечный среди горных громад путь к свету, преобразившему мир, но еще ни луча не протянувшему путнику. Он сам должен достигнуть солнца. И возвестить о нем человечеству. Возвестить, направить по своему пути.

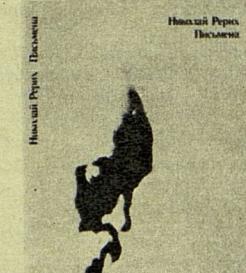
Красота не абстрактна, ибо она — достижима. Не случайно цикл «Мальчику» завершает триумфальная легенда о духе добра «Ланши Победительница».

Неизбежна победа «ловца входящего в лес»:

Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец
Трижды позванный.

М. ХОЛМОГОРОВ

Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видели жилища, увешанные абстракциями... Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает... Сердце требует песни о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества».

Николай Рерих
Письмена

Художник был уверен, что только реализм утверждает подлинную свободу творческого духа. Все остальное — иллюзии, заводящие в тупик. «Бесконечные говорения о чистом искусстве... сделали то, что искусство перестало быть свободным. А в то же время Рафаэль или Леонардо да Винчи, получавшие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творчества. Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм, как прочную отправную точку».

Художник был уверен, что только реализм может вместить действительность во всем ее многообразии и духовно освоить ее: «Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм».

Это понятие Рерих толкует многогранно и объемно. В нем он видит проявление нравственного здоровья, сердечной чуткости и духовной устремленности русского народа. «Сюрреализм и большинство всяких «измов» не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в трущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народа отлично знает, что от реализма открыты все пути».

Определяя свой стиль, Рерих к слову «реализм» добавляет эпитет «героический». И он имеет на это полное право, ибо столкновение света и тьмы — постоянный мотив его творчества. Гэсэр-хан, бесстрашно пускающий стрелу в сгустившиеся кроваво-темные тучи зла, не только символ, но и своеобразный автопортрет художника. Кто-то верно заметил, что если взять произведения Рериха (как живописные, так и литературные), то даже одни названия их свидетельствуют о духе героизма, подвига и созидания.

— Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты, — призывал Рерих.

Пафос ленинских слов «Надо мечтать!» неоднократно повторяется в его статьях и выступлениях. «Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существование их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытых имеют не только расчет, но, именно, высокую жизненную мечту».

Рерих сближает понятия «героический реализм» и «социалистический реализм». Чувствуется, что они для него синонимы. 24 мая 1945 года он записывает в дневнике: «В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского. В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства».

Русское художество идет широкой здоровой стезею геройского реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества.

Победа! Победа! И сколько побед впереди!»

Б. САВЧЕНКО,
секретарь ЦК комсомола
Белоруссии,
А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Mолодые специалисты получают путевки в жизнь. В коридорах, возле дверей, за которыми сидят комиссии, взволнованный шепот. В сторону каждого выходящего залп голосов с одинаковым вопросом: «Куда?» Потом обсуждение. Горячее, откровенное. То с нотками зависти, то со вздохом сочувствия. Понятно! Решается судьба! Как же она сложится? Все хотят, чтобы счастливо. А понятий о счастливой доле много. Очень разных...

Вот услышанный нами однажды рассказ о счастливой доле, рассказ, в котором ирония перемешивалась с чувством горечи:

— Как-то жена встретила нашего бывшего однокурсника, преуспевающего ныне на поприще науки и, судя по всему, весьма довольного собой. Он спросил обо мне. Узнав, что я начальник производства на заводе, выразил искреннее удивление и сожаление: «Вот как! А ведь способный человек!.. Подавал надежды!..» — Анатолий Михайлович улыбнулся и после паузы заключил: — Так что видите: в глазах титулованного ученой степени мужа я типичный неудачник.

...Да, понятий о счастливой доле много. Согласно одному из них, даже Анатолия Михайловича Титова следует причислить к тем, кому не повезло в жизни. Почему «да же»?

Анатолий Титов в 1960 году окончил Белорусский политехнический институт по специальности «технология машиностроения». На Минском заводе электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе начал инженером-техногологом. В 63-м он старший инженер, в 64-м — начальник технического бюро, в 66-м — заместитель главного технолога завода, в 71-м — начальник производства завода, в 72-м — он уже заместитель директора предприятия по производству... Титова избрали секретарем комсомольской организации отдела главного технолога завода, в 70-м году он стал лауреатом премии Ленинского комсомола за активное участие в разработке и освоении электронно-вычислительной машины «Минск», а в 72-м получил золотую медаль ВДНХ.

Путь Анатолия Титова за двадцать лет можно назвать блестящей карьерой. Однако что за неё? Удача, благоприятное стече-ние обстоятельств? Или все вместе? Титову посчастливилось попасть на интересное, растущее, очень современное предприятие, в непрерывно и дерзко ищущий коллектив. В остальном же...

Титов: Все, наверное, оттого, что я привык искать вопросы, а не уходить от них. Помогла общественная работа, которую я вел в институте, — то в комсомольской, то в профсоюзной организации...

«Искать вопросы». В толковании Титова, это значит не коротать день на заводе, а работать, выходить на самые горячие рубежи, не бояться брать на себя ответственность, думать, отстаивать свою точку зрения, бороться, рисковать.

Пока, придерживаясь этого правила, он поднимался «по лестнице технологической службы». Сомнения в том, что справится с более высоким назначением, не было — прочность, с какой он стоял на предыдущих ступенях, давала на-то основание. Но вот однажды ему предложили в интересах дела принять руководство производством. И тут появилось сомнение: вдруг не хватит знаний, умения, сил? Однако не отказался. Взялся, увлекся, весь ушел в поиск и не заметил, как пришла уверенность. Он нашел себя и на новой ниве.

Неудачник? Нет! Счастливой судьбы человек!

Судьба, не предопределенная небом, а «выстроенная» своими руками, умом, волей, энергией... По-разному люди оценивают, счастливо или несчастливо сложилась судьба. Но бесспорно, на наш взгляд, одно: человек счастлив, когда получает возможность полностью раскрыть свои задатки, способности, отдать обществу все, что получил от него и от природы. Задача же общества — воспитать в нем эти качества.

Утверждать, что из любого выпускника технического вуза можно вырастить директора или главного инженера завода, значит заниматься демагогией. Талант всегда играл и будет играть свою роль. Однако данные данными, но жизнью доказана необходимость неустанно, умно и терпеливо воспитывать полноценных специалистов. И непременно творчески.

Что значит «растить творчески»? Кому, как, до каких пор воспитывать?

Есть точка зрения, что воспитание специалиста — это лишь лекции, семинары по социально-экономическим дисциплинам, комсомольские дела, факультеты обще-

ственных профессий, обогащение духовными ценностями.

Не совсем так!

Воспитание будущего специалиста должно начаться в школе, с помо-щи в выборе профессии. Любовь к основному делу жизни появляется не вдруг, и чем раньше она проклоняется, оформится, тем больше гарантии безошибочного выбора, гарантии успеха на жизненном пути.

Жизнь убеждает, что самое реальное и самое верное направление политехнизации — дать учащимся ясное представление о современном предприятии, колхозе, о прочих сферах человеческой деятельности, помочь нашупать свои задатки, разжить их и в итоге решить: кем быть?

Проблемы в школьном разделе профессионального воспитания тут же дают себя знать. Вряд ли стоит тешить себя иллюзиями насчет того, что из человека, случайно оказавшегося в том или ином учебном заведении, может выйти толковый специалист. Возможно, такие примеры и есть. Но они единичны. А это значит, школьная профориентация ориентирует далеко не всегда в нужном направлении. Неинтересно, казенно и другой раз как-то стыдливо пропагандируются рабочие профессии. Формализм и бездумная щедрость бьют через край при раздаче всякого рода рекомендаций и характеристик. Да и вузы не все пропагандируют себя так, как, например, делают это комсомольцы Белорусского технологического института имени С. М. Кирова.

Комитет комсомола и совет молодых ученых института создают в школах кружки юных химиков, биологов. С ними занимаются преподаватели и аспиранты. Общественная приемная комиссия популяризирует специальности вузовского профиля. В школах читаются лекции, проводятся беседы. Школьники, группирующиеся вокруг института, вместе со студентами готовят вечера, ходят в походы, на экскурсии. В самом институте юные лесоводы встречаются с учеными; вузовские «послы» участвуют в школьных вечерах. Каждый год в семью студентов вливаются «свои» выпускники десятых классов, и занимаются они, как правило, увлеченно, добросовестно, охотно берутся за общественную работу, приобщаются к науке.

Отказ от «шапочного знакомства» вузов с абитуриентами наверняка пойдет на пользу и тем и другим. Ужесточение же отбора (именно ужесточение, потому что сейчас к поступающим зачастую

относятся слишком либерально) закроет доступ в институты людям, определяющим выбор профессии количеством троллейбусных остановок от дома до вуза, или неприязнью к рабочей специальности, или же корыстными расчетами чадолюбивых родителей.

По идее мощный воспитательный заряд заложен во всей организации учебного процесса в институтах и техникумах. Поэтому и тут чувство времени должно присутствовать в каждой строке программы, учебных планов, расписаний. Должно... В одной из бесед с нами ректор Белорусского политехнического института П. И. Ящерицын заметил, что с программами, например, все время неувязка. Жизнь движется вперед, а программы так же, как учебники, никак не успевают за ней. Логично разрешить хотя бы крупным вузам, имеющим высококвалифицированных педагогов-ученых, вносить коррективы в программы, учебные планы, утверждая поправки в Министерстве высшего и среднего специального образования республики, ибо другого способа прочно смыкать программы с жизнью попросту нет. Пока же сплошь и рядом будущие инженеры тратят время на постижение того, что давным-давно списано техническим прогрессом.

Что касается вузовского комсомола, то очень важно глубоко осмысливать уроки «третьего семестра». Во время этих семестров студент в труде, на виду у товарищей учится соизмерять свои поступки с волей коллектива, здесь он полностью раскрывается, принимает участие в отрядном самоуправлении; в студенческой коммуне все конкретно, все обусловлено близкой и важной целью. Вот почему процесс формирования коллектива, который в стенах вуза идет порой долго и трудно, тут протекает сравнительно легко и быстро. Очень важно поэтому все полезное перенести из практики «третьего семестра» в практику повседневной вузовской комсомольской работы.

Опытному глазу заметны перекосы в общей направленности подготовки инженеров. Вот мнение на сей счет специалиста-практика.

А. А. РЕУТ, секретарь Минского горкома партии, бывший директор Минского завода электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе:

— Существует явное разночтение в нуждах предприятий и политике технических вузов. У них, у вузов, ярко выраженная конструкторская и технологическая ориентация. А нам конструкторы нужны меньше, чем технологии, а технологии — меньше, чем организаторы производства. Между тем подготовка организаторов уделяется как раз неоправданно мало внимания. Организация производства изучается поверхностно, основы экономики промышленных предприятий слишком общо, социальная же психология, считайте, никак — по этой дисциплине и преподавателя-то найти почти невозможно. Дипломные работы студентов тоже чаще всего конструкторского профиля, причем без глубокого экономического обоснования, без классификации материалов. Все это вместе взятое ведет к тому, что большинство выпускников связывают свои мечты и планы с должностью конструктора и бывают разочарованы, когда им предлагают пойти на про-

ДИПЛОМ ЗАЩИЩАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ!

Н. Рерих. НА ВЕРШИНАХ.

Государственный художественный музей Латвийской ССР.

ГЭСЭР-ХАН. 1941.

Из собрания И. М. Богдановой-Рерих.

Н. Рерих. ГУГА ЧОХАН. 1931.

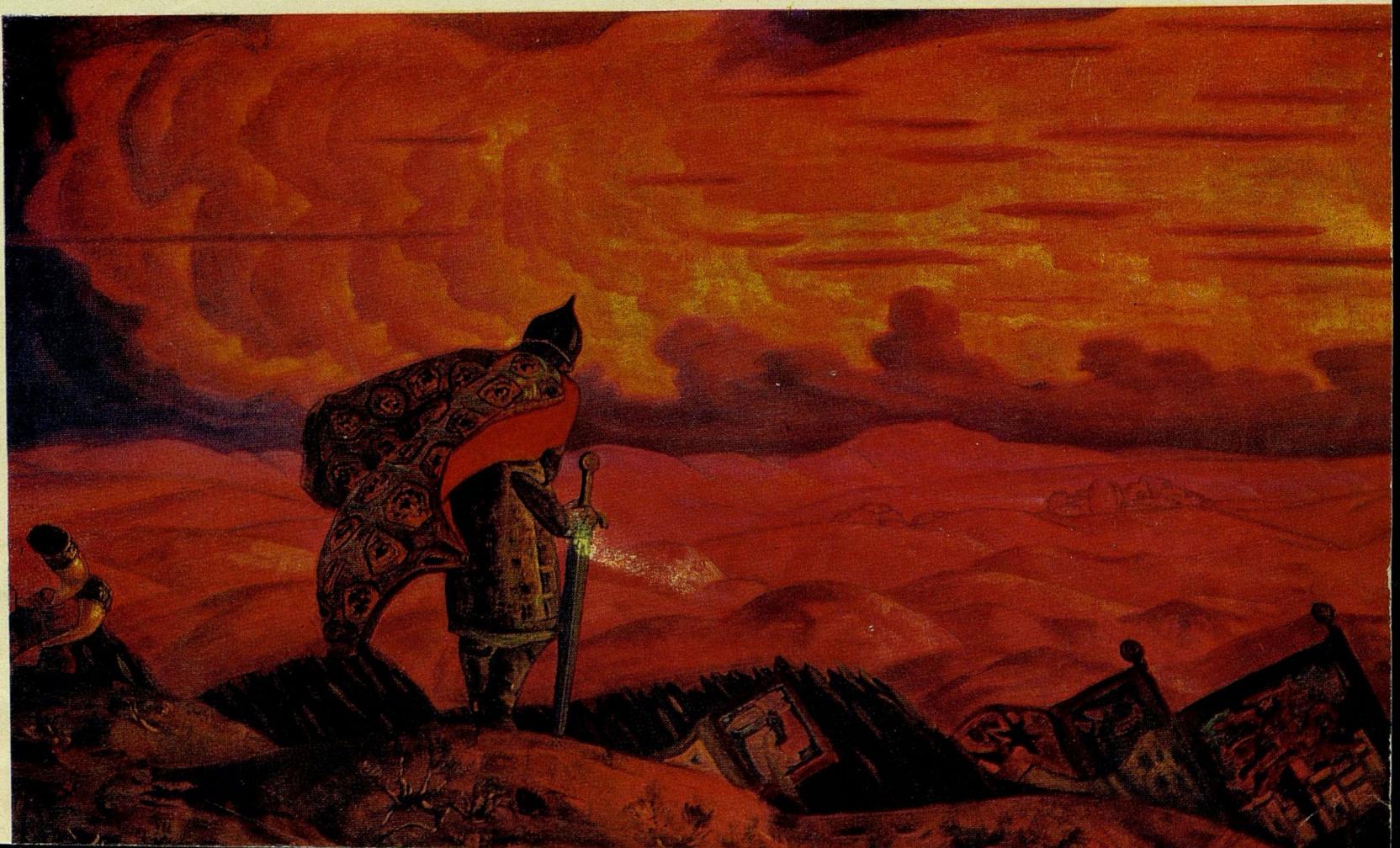
Государственная Третьяковская галерея.

С. Рерих. ПОРТРЕТ Н. К. РЕРИХА.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Рерих. 1874—1947. СТРЕЛЫ НЕБА — КОПЬЯ ЗЕМЛИ. 1915. Туркменский Государственный музей изобразительных искусств.

несет по волнам бурного моря абстракции и «живописи действия», когда почти нет якорей, за которые можно было бы держаться, он возвышается над океаном современного искусства как некий маяк, распространяющий далеко вокруг свет вечных критериев искусства, утверждение непреходящей ценности дисциплины и классической сдержанности».

Отношение Святослава Рериха к абстрактному искусству предельно четкое. Об абстрактной живописи он говорит со спокойной интонацией, как о чем-то давно продуманном и решенном. «Абстракт достиг определенных успехов в области декоративной. Он может быть использован в прикладном искусстве. Но и только. Абстракт — это создание поверхности. В сущности, поверхность камня — это уже абстракт. Но ведь камень должно обрабатывать... Я был знаком с Пикассо, но со многими его поисками я не согласен. Представьте себе картины его последнего периода ожившими, обретшими плоть. Не правда ли, — с легкой улыбкой заключает Святослав Николаевич, — это было бы ожившим кошмаром, от которого хотелось бы поскорее избавиться».

Творческий стиль Святослава Рериха, равно как и стиль всей его жизни, может быть, наиболее точно охарактеризовал Джавахарлал Неру. Выступая на открытии выставки в Дели в 1960 году, Неру назвал Святослава Рериха своим «старым другом» и «великим художником». «Он никогда не старался выдвигать себя, а работал в тишине, в соответствии со своим гением, пытаясь найти себя в гармонии с окружающим, будь то снежные пики Гималаев, или красная земля Малабара, или другие места Индии. Он входил в соприкосновение с окружающей природой и одновременно как бы устремлялся вперед по всем направлениям: в будущее, прошлое и настоящее, пытаясь соединить их в одно целое».

Взгляды Святослава Рериха на природу искусства, на природу прекрасного исполнены особой силы и глубины. Но тут лучше предоставить слово самому художнику. Вот мысли, выражющие его творческое кредо:

«Я всегда искал красоту. Она меня привлекала. И, передавая то красивое, что я видел, я передавал долю радости, которую ощущал, когда видел сам. Часто через картины мы начинаем видеть и ценить то, мимо чего проходим, что в жизни остается незамеченным. Но тогда мы уже различаем это в жизни, и оно начинает звучать в нас. Я считаю, что именно поиски красоты, которая вела древнее искусство почти всех стран, дали миру их замечательные достижения.

...В природе много красивого. Всегда вы найдете замечательную красоту, которую природа щедро рассыпает. Посмотрите на крылья бабочки. Как замечательны всевозможные комбинации их! Посмотрите на цветы, на кристалл, на игру красок в небесах, моря и увидите, что мы окружены исключительной красотой. Только это нужно видеть и почувствовать. Что может быть красивее крыльев бабочки. Вы спросите, зачем они были созданы. Несомненно, они нужны были, раз созданы природой. Она никогда не создает то, что ей не нужно. Вся окружающая нас жизнь стремится как-то выразить себя в красоте.

...Каждый цветок является красивой комбинацией элементов природы. Как сложно растение и как оно благородно! И наше человеческое стремление к красоте — то же самое. Оно исходит из глубин нашей общей природы. И когда мы стремимся к красоте, мы видим и понимаем, что это не что иное, как самое рациональное и практическое отношение к миру, к жизни. Трудно иногда бывает вообще в жизни человеческой, и нужно в трудные минуты мыслить о красоте. Я считаю, что нужно всегда и во всем мыслить гармонично; это освещает нашу жизнь и даже в трудные моменты озаряет и помогает всем окружающим. Красивое мышление так же, как и прекрасная картина или изваяние, излучает красоту на всех, кто ее видит, кто с ней соприкасается».

И не случайно Джавахарлал Неру, определяя живопись Святослава Рериха, называет ее «праздником красоты». Интересно сопоставить речь выдающегося политического деятеля Индии со словами русской женщины, которые мне довелось прочитать в книге отзывов на нынешней выставке Святослава Рериха: «Одна из Ваших картин называется «Моя страна прекрасна», и это очень верно. Ваша страна действительно прекрасна, других слов не подберешь!!!»

Московская выставка 1974 года была приурочена к семидесятилетию художника. Она пользовалась колоссальным успехом. Ранним морозным утром можно было видеть у здания Третьяковки длинную, во весь Лаврушинский переулок очередь. За сорок дней выставку посетило более 160 тысяч человек. Судя по отзывам (а многие оставили свои впечатления в книге отзывов), советский зритель сумел уловить самое значительное, самое характерное, что несут в себе полотна Святослава Рериха. Вот несколько выдержек из книги отзывов:

«Святослав Николаевич!

Большое спасибо за Ваш огромный труд. Благодаря ему я узнал о душе Индии и Востока более, чем из лучших книг».

«Вы подарили нам Индию, которая останется на века в наших сердцах. Спасибо большое!»

«Благодаря отцу и сыну Рерихам мир стал больше, а Индия ближе...»

«Мир стал больше, а Индия ближе». Выступая на пресс-конференции по случаю закрытия выставки, Святослав Рерих сказал, что он расценивает свою выставку и свое творчество как один из мостов между Советским Союзом и Индией... Как и его отец, Святослав Рерих — живое связующее звено между культурами великих стран. Это понимаем мы, русские, это понимают индийцы. Знаменательны слова Менона, обращенные к Святославу Рериху:

«В Рерихе встречаются два мира: мир Индии и мир России. Это не удивительно, потому что он сам принадлежит к обоим мирам. Он индиец по браку — браку с одной из красивейших, превосходных женщин Индии. Таким образом, по наследственности он русский, по окружению он индиец... В его картинах вдохновение Индии и вдохновение России соединились в гармонии».

растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым. По просьбе Вавилова он собирает злаки, посыпает ему образцы семян...

Талант живописца в Святославе Рерих раскрылся рано. Еще учась (Святослав Рерих по образованию архитектор: он учился на архитектурном отделении сначала в Колумбийском, потом в Гарвардском университете), он экспонирует в 1922 году на выставке в Нью-Йорке свою графику. А спустя четыре года творчество Святослава Рериха получает мировое признание. На Международной выставке в Филадельфии ему присуждают первый приз за полотна на восточные темы. Святослав Рерих работает под наблюдением отца, рядом с отцом. Их совместные выставки, организованные в тридцатые и сороковые годы в Индии, собирают толпы посетителей. После смерти отца художник поселяется в Бангалоре, индустриальном и быстро развивающемся городе Южной Индии. По свидетельству местной прессы, он становится другом, наставником и руководителем почти всех подающих надежды художников Бангалора и всего штата Майсур. Вклад Святослава Рериха в индийскую культуру, его общественная деятельность на пользу мира и содружества получают повсеместное признание в Индии. В 1961 году (скоро после того, как Святослав Рерих вернулся из Советского Союза, где в Москве и Ленинграде с успехом прошли его выставки) индийское правительство награждает его высоким гражданско-имперским орденом «Падма Бхушан».

Святослав Николаевич Рерих — духовный наследник своего великого отца. Он продолжает его традиции, но не повторяет его. Разницу между двумя художниками давно отметили индийские искусствоведы. «Его ритмы гораздо более усложнены и напряженны», — пишет о Святославе Рерихе д-р Гетц. А сам Святослав Николаевич говорит следующее:

«Моя личная творческая деятельность была связана с творчеством и работой Николая Константиновича, но в моем подходе к художеству и искусству было некоторое отличие. Николай Константинович не занимался специально портретом, тогда как я именно начал как портретист. В творчестве Николая Константиновича человек уходил в глубину композиции, в моем искусстве я выдвинул человека на первый план».

Мастерство Святослава Рериха-портретиста общепризнанно. Он является создателем целой галереи человеческих лиц и характеров. В этой галерее — философы, политические деятели, художники, танцовщицы, обычные мужчины и женщины. Портреты Святослава Рериха — убедительное свидетельство его выдающихся технических возможностей. Художественный критик издания «Таймс офф Индия» Прашер пишет: «Его способность вызвать осязательные ощущения при передаче ткани, тела и аксессуаров — настоящее чудо. Это свойство наилучшим образом проявляется... в портретах Девики Рани Рерих».

Художник верен оригиналу. Изображая модель, он старается быть документально точным. Но, разумеется, этим не исчерпывается достоинство его портретной живописи. Портреты Святослава Рериха не просто изображения; он передает характер моделей, он умеет уловить дух человеческого лица.

Девики Рани Рерих — одна из выдающихся женщин новой Индии. Выросшая в светлой атмосфере замечательной семьи (ее дедом был Рабиндранат Тагор), она в детстве уже обнаружила непреодолимую тягу к искусству. Молодая девушка становится звездой индийского кино. Отныне история национального кинематографа неразрывно связана с ее поисками, с ее работой: талант актрисы в Девике Рани органически сочетается с талантом постановщика. И вот перед нами ее портрет. Красота женского лица останавливает нас, поражает нас. Но только лишь внешняя красота? Конечно, нет, ибо здесь запечатлено и другое: красота внутреннего устремления — углубленность, одухотворенность, высокая мечтательность. И вот что замечательно. Яркая, праздничная, эффектная расцветка тканей, с одной стороны, и тихая мечтательность, даже некоторая отрешенность — с другой, не контрастируют друг с другом, а сливаются в гармоничное целое. Это, конечно, пример тонкого психологического видения художника.

Святослав Рерих часто пишет Джавахарлала Неру. Являясь другом Неру, он имеет счастливую возможность делать этюды с натуры. Президенту Индийско-советского культурного общества Менону принадлежат следующие слова: «Никто так не известен и не любим в Индии, как Джавахарлал Неру. Я знал его по его сочинениям в течение сорока лет, и я работал с ним в тесном контакте со времени независимости. Мне кажется очень трудным описать этого человека, такого сложного, но по существу простого. Это человек действия, но также и человек великих мечтаний. В портрете Джавахарлала Неру Рерих выразил всю

1a ①
(a)

Gordic
Naggar
Trebor
etikolosovich
and
etikolai
Hadaris-
ovich

оди
ики
одр
ки
с
дло
лос
е
вра
пра
е
ры
нт
ял
, и
нис
иг,

ства, и опять перед ним г
олосами измазанное по ску
ю парня, выкаченные из ор
бова ударил по близкому, вл
ительному лицу, с мститель
м вкладывая в эти удары не
чущее в его душе, кипяще
е.

Потом сзади что-то тяжкое и темное об
шилось на него, резким толчком свалил
ног, и посреди суматошного топота вблизи
ловы, пинков, свиста, сквозь звон, залож
ший уши, дошли до сознания два неяс
вскрика, похожих почему-то на два обры
вата, летящих по воздуху:

— Шухер! Шухер! — И показалось е
странный опустелое везде, и нависла над ним
гуче звенящая тишина.

Тогда он вскричал, выплевывая кровь,
таясь от чугунного шума в голове, но его
стным охватом стиснул со спины какой-то
знакомый человек, говоривший ему: «Т
тихо!» — и, как в другом мире, увидел он г
ня у перил моста. Его держали за плечи д
милиционеров, жирные размазанные пол
обезображивали его широкий нос, его ску
носа не было. Парень, обессиленно вы
вась, дергаясь, не говорил, а выкашивал г
лом:

— Шел домой, а он прицепился, г
Пьянь проклятая! Шел домой, а он деньги с
требовать, гад!

А Никитин еле стоял, покачивался на об
евших ногах, не было силы сказать ни е
ного слова, он только улыбался страш
улыбкой.

В милиции, куда привели их, парень рыд
шим голосом кричал, повторяя, доказыв
что он шел из кино домой, а та вон прок
тая пьянь начала приставать, полезла по
карманам и вырвала деньги, полсотни —
истерическими жестами показывала, каким
разом все было: выворачивал наизнанку к
маны и потрясал перед дежурным порван
пятидесятирублевой бумажкой. Капи
брзгливо суховатый, широколобый, гля
из-за стойки взором внимательной подоз
тельности, взял обрывок пятидесятирубл
е («Н-ну-ка...») и положил на стол. А Никит
усаженный милиционером на крепкую, обш
панную скамью, смотрел на парня, вспоми
его ощеренное лицо в момент плева («Я
филитик!»), его хрипевший злобой и страх
окровавленный рот во время драки на м
о («Сердце проколю!») — и едва не плакал
бессилия и ненависти: им не дали додрат
один на один, там, на мосту, кто-то из
стай по-темному, по-трусливому нанес е
удар сзади, свалил наземь, подставил ногу
сейчас, вот тут в милиции, где без какого-
бо сочувствия не могло быть понимания
одной, ни другой стороны, невозможно бы
бы даже рассказать, объяснить подробно
сти, причины всего, что произошло на наб
режной. Выкрики парня, его объяснения
«пьяный псих, бухарик», приставал, требов
денеги и затем, получив отказ, полез по ка
манам, чему доказательство — разорван
купюра, — это еще чем-то могло приблизить
к видимости правды, но то, что мог и х
тел бы объяснить Никитин, выглядело необ
денным, из ряда вон выходящим, ненормаль
ным, а значит, затушевывало истину, или я
лялось неправдой.

«Ведь сегодня, именно сегодня произошло
главное в моей жизни, и я, наверное, б
частлив, если это и есть счастье, и просто м
хотелось быть добрым ко всем на свете и

ли ударов, подчиняясь незнакомой, взорвавш
шейся в нем дикости, крича неистово и страшно:
«Трусы! Сволочи!» — мотался в окружении тел, бил по этим ненавистным лицам, на
гибаясь, выворачиваясь, едва не падая от бешено вложенной в сжатые до онемения кулаки силы, как обреченный дорого отдать свою жизнь. В то же время, безобразный, наверно, упоением неистовства, он еще одержимой памятью зрения лихорадочно искал взглядом лицо широкоскулого парня, стараясь прорваться лишь к нему, но тот возник и пропадал за чыми-то спинами, плечами и там пронзительно вскрикивал подсказывающим голосом: «На землю его, на землю!»

Но когда на счастливый миг (это был счастливый миг!) он, задыхаясь, слыша, как трещит на нем пиджак, разрываемый в разные стороны крючьями рук, сквозь удары и пинки прорывался к парню, тот издал устрашающий взвизг горлом, отступая вдоль паралета набережной к мосту, и ту словно бы вокруг об разовалась пустота, прекрасная, справедливая пустота, теперь никто почему-то уже не мешал им, а парень отходил по мосту боком и спешили рывками вытаскивал что-то из кармана брюк, и вдруг блеснул длинной иглой распрамленный складной ножичек с серебристым тоненьким лезвием. И странно было — этот стальной блеск ножичка не вызвал у Никитина страха, наоборот, его слепо, неудержимо и яро кидала к парню какая-то разжатая до беспамятства пружина ненависти, которую ничем не мог в себе сдерживать, и он упоенно, молитвенно, как в бреду, шептал:

— Ну, отлично, теперь мы один на один... Теперь я узнаю, стрелял ли ты когда-нибудь по танкам... («Зачем я говорю это? Почему это я говорю?») О, теперь все будет, как надо, трусливая ты сволочь... Такие и в войну были! О, такие, как ты, были еще в Древнем Риме... («Какой Рим? Зачем?») Ну что ж, ты или я?.. Посмотрим! Ты или я...

— Не подходи! Сердце проколю! — заревел горловым голосом парень, исступленно тряся лицом, так что волосы забили по вискам его, и, прижалвшись боком к перилам моста, остро выставил кулак с посверкивающим в нем прямым лезвием.

Должно быть, так озверело, устрашающе и утробно кричал первобытный человек, встретивший черной ночью сильного врага мужского рода близ своей пещеры, замахнувшись, нацеляясь смертельно-угловатым камнем, чтобы сделать прыжок и раздробить череп самцу чужого племени. Но пещеры не было, не было первобытного человека, была спящая Пятницкая, закрытый ресторан «Балчуг», мост через Канаву, широкоскулый, с омерзительно разбитым носом парень и он, Никитин, неизвестно окровавленный, истерзанный, в разодраных пиджаке и рубахе, глottавший кровь, наполнявшую рот, готовый в бешенстве и правоте бить, ломать, разрушать, защищать себя, свою наивность и что-то еще нематериальное, оскорбленное, раздавленное, но все-таки в те секунды Никитин уже не был Никитиным, а это придавало пещерно-дикое безумие тому, что он делал тогда...

— Хочу, чтобы ты все запомнил, сволочь!.. Нет, я этого не хотел!.. А вы шестеро на од-

14

Таджикистана, все советские люди 50-летие образования Таджикской Советской Социалистической Республики и создания Коммунистической партии Таджикистана.

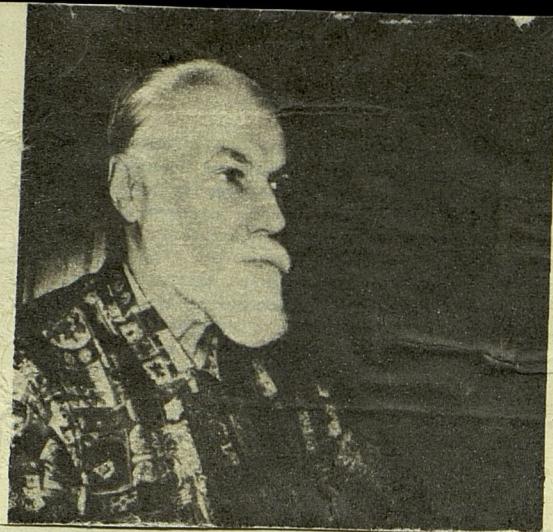
В праздничном убранстве города, поселки, кишлаки республики. Кумачом расцвечены улицы и площади ее столицы — Душанбе. Перед фасадом республиканского Дома политического просвещения на флагштоках — Государственный флаг СССР, флаги всех братских союзных республик. Здесь состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Таджикистана и Верховного Совета Таджикской ССР, посвященное 50-летию образования республики и создания Компартии Таджикистана.

В зале — члены и кандидаты в члены ЦК Компартии Таджикистана, депутаты Верховного Совета республики, руководители партийных и советских организаций, передовики промышленности и сель-

Совета СССР Н. В. Подгорного, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова, руководителей республики — первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулова, Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Холова, Председателя Совета Министров республики Р. Набиева. В президиуме также члены Бюро ЦК Компартии Таджикистана, руководители делегаций, прибывших на торжества, знатные производственники, представители общественности.

Торжественное заседание открыл тов. Д. Расулов. От имени коммунистов, всех трудящихся Советского Таджикистана он выразил сыновнюю признательность Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Политбюро ЦК, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу за постоянную за-

Валентин СИДОРОВ (Индийские заметки)

СИДОРОВ

1
Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь стараются опередить палиющее солнце. Дорогой каждый утренний час, каждое прохладное мгновение. Потому в рассветной дымке, веющей свежестью, снуют машины: несется, громыхая, скуттер — полуоткрытый экипаж, представляющий собой нечто среднее между мотоциклом и малолитражным автомобилем, выворачивается навстречу нам автобус, на ветровом стекле которого красуется цветное изображение Кришны и священное слово «Ом». Бредут пешеходы. Но, конечно, центральная фигура шумных, многоголосых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — это нечто особенное, уникальное. Если Индия — страна чудес, то, на мой взгляд, один из главных феноменов этой страны — ее велосипедист. Более всего поражает виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства лихо крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое загорелых мальчишек. С детства в Индии приучаются владеть своим телом, потому позы седоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут оживленную беседу, а если прерывают ее, то для того, чтобы одарить встречного белозубыми ульбками.

Наша машина набирает скорость. Мелькают деревья. Мы мчимся мимо глинянобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высятся горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго. Наш путь лежит на север. Мы стремимся уйти от лучей восходящего солнца. Но оно, увы, настигает нас. Душно. Листья становятся раскаленной. То и дело останавливаются у лавочек, чтобы выпить кока-колу. Пьем и местный напиток, изготовленный из стеблей сахарного тростника, ледяной и молочно-белый.

Незаметно, когда солнце было в самом зените, мы пересекли границу, отделяющую жару от прохлады. В лицо ударила хвойная свежесть. Над дорогой простерли ветви гигантские кедры и голубые сосны Гималаи. Здесь дышится по-другому, и пейзажи здесь другие. Нет-нет да и проглянет картина, столь привычная для нашего взгляда, — поляна, сплошь заросшая белыми цветами с золотыми крапинками. Тысячелистник. А долина Кулу — конечная цель нашего путешествия — все время удивляет неожиданным сочетанием красок и ароматов. Здесь рядом с магно-

лией, источающей дурманящий запах, спокойно растет белоствольная, типично воронежская березка.

2

...Об индийском собеседнике можно написать целую книгу. Удивительна чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкой в наших спорах, предельное внимание и уважение к словам собеседника. Беседы в зависимости от их характера носят различные наименования. Особенно доверительной считается «сатсанг». Так на языке хинди называется разговор о высоких духовных предметах. Это как бы совместная медитация на ту или иную тему. Религиозные мотивы не обязательны. Обязательна лишь направленность в сторону высокого, вечного, беспределного. «Сатсанг» очень чтится индуистами. Сама беседа, вне зависимости от конечного результата ее, считается наградой за то хорошее, что человек совершил или в этой, или в прошлой жизни (все религиозные и философские школы Индии сходятся в одном пункте: они верят в перевоплощение человеческих душ). «Сатсанг», да еще на фоне священных Гималайских гор, — это двойная награда.

Конечно, размышления о предметах высоких дают особый ритм и настрой разговору. Но это отнюдь не означает отрешенности от земных вопросов. Наоборот. Индийский оппонент обладает поразительной способностью мгновенно переключать внимание.

Мне пришлось беседовать с министром земледелия одного из индийских штатов. Помимо того, что он был министр, он был и поэт. Поэтому разговор наш сразу принял форму «сатсанга». Прозвучали слова великого поэта древней Индии Калидасы: когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы ты радостно смеялся, покидая мир, а все вокруг тебя плакали.

Я читал свои стихи («В языке воскресшего санскрита мы глагол славянский узнаем»). Их тут же переводили на английский. Министр, забыв на какое-то время, что он министр, пел и читал свои. Насколько можно судить по переводу, стихи его были философские, с изрядной примесью мистики.

И вот в то время, когда, казалось, все мысли должны быть прикованы к заоблачным высотам, неожиданный вопрос возвратил меня на землю.

— А вы знаете, как я побеждаю противника на выборах? Я сочиняю песню, высмеивающую противника. В деревнях распевают ее. И голосуют за меня. Так я побеждаю.

И поэт, опять превратившись в министра, засмеялся, довольный своей выдумкой. Засмеялся так заразительно, что я невольно присоединился к его смеху.

3

Двухэтажный дом окружен лимонными деревьями и соснами. Из окон видны Гималайские горы, заросшие лесами, снежные вершины. Облака медленно наползают на седловины хребтов. Царит тишина, прерываемая ровным рокотом горной реки Биас.

Здесь последние годы жизни ра-

ботал великий русский художник Николай Константинович Рерих, имя которого стало символом духовного и культурного единения народов Индии и Советского Союза.

Я попал в дом Рериха как раз в те дни, когда в Индии шла подготовка к юбилею великого художника. Столетие со дня его рождения здесь собирались отмечать как праздник советско-индийской дружбы. Планировались чтения и заседания, посвященные памяти Рериха. Обсуждался проект юбилейной почтовой марки. Сейчас эта марка с барельефным изображением художника лежит на моем столе.

Сын Николая Константиновича Святослав Рерих принимал меня так, как принимают старого знакомого, с которым встретились вновь после долгой разлуки. Жена Святослава Николаевича Девики Рани (в прошлом знаменитая индийская кинозвезда) приветствовала меня на языке, где привидливо и мило сочетались английские обороты и русские слова. «Мистер Сидоров», здесь мирно уживался с «товарищем Сидоровым».

...Вот комнаты, где писал Николай Константинович. На стенах висят эскизы, небольшие картины, изображающие Гималаи, небо, светящиеся облака. Комнаты открыты для каждого дневного посещения. Вот столовая, где у обеденного стола собиралась семья Рерихов. Гостиная. «Здесь каждый день,— говорит Святослав Николаевич,— мы настраивали приемник на московскую волну. Ждали вестей с фронтов». «Когда началась война,— вспоминает Святослав Николаевич,— мой брат Юрий и я дали телеграмму в Лондон советскому послу Майскому с просьбой зачислить нас добровольцами в Красную Армию».

— А вот здесь,— Святослав Рерих указывает на угол комнаты, где стоят кресла с выцветшей обивкой,— беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с Николаем Константиновичем, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу.

В дневнике моего отца есть запись: «Неделю у нас Неру с дочкой». Отец выделяет главные аспекты взаимных бесед. «Говорили об Indo-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации. Пора мыслить о сотрудничестве, о сознательности». «Я же,— рассказывает Святослав Николаевич,— написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что я о нем знаю, вижу и видел в нем».

Святослав Николаевич, как и его отец,— художник. Он общеизвестный мастер психологического портрета. В галерее образов, созданных им, выделяются портреты Рериха-отца, Неру (одна из работ художника выполнена специально для зала заседаний индийского парламента). Утонченная красота индийской женщины с документальной точностью запечатлена в портрете жены художника. Я склонен видеть в этом портрете символ духовной красоты Индии.

В живописи Святослава Рериха господствуют мажорные тона. Краски ярки, праздничны, подчас ослепительны, как индийский пейзаж и индийское солнце. Они поневоле приводят на ум древнее изречение: «Радость есть особая мудрость».

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству,— говорит художник,— в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся Жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался природой, увлекался всем, что природы нам дает. И теперь ничего не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разлита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жизни насекомых. И эта радость, которую я ощущал именно в контактах с природой, и есть ключ к моему творчеству и моим картинам».

Творческие методы Рериха-старшего и Рериха-младшего различны. Сходство их заключается в одном: творчество Святослава Николаевича, как и творчество его отца, служит своеобразным мостом, соединяющим культуры двух стран. Интерес Святослава Рериха к индийской культуре широк и многогранен. Он говорит: «Чтобы действительно знать искусство Индии, нужно прожить в стране очень долго и непрестанно изучать его — настолько оно многообразно. Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поразила. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю во всем, во всем ее сверкании очень, очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг это сделать».

Имя Святослава Рериха широко известно. Его полотна находятся в парижском Лувре, ленинградском Эрмитаже, в музеях Чехословакии, Бельгии, Индии, США. Заслуги Святослава Николаевича перед искусством Индии отмечены «Почетным орденом за искусство и гуманизм». Этим орденом, учрежденным к столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора, был в свое время награжден советский скульптор Коненков.

В 1960 году москвичи, а затем ленинградцы имели возможность познакомиться с картинами Святослава Рериха. Его выставку посетило полмиллиона человек. Правда, сам художник считает, что выставка была недостаточно полной, на ней не были представлены его монументальные полотна, которым он придает первостепенное значение. Сейчас, когда пишутся эти строки, в Москву прибыли его картины. Святослав Рерих в этом году тоже юбиляр — 23 октября 1974 года ему исполнилось 70 лет. К этой годовщине и приурочена его выставка. Она подводит итоги многолетней, направленной творческой деятельности. На мой взгляд, значительно, что картины Святослава Рериха демонстрируются, как бы утверждая преемственность прошлого и настоящего, в залах Третьяковской галереи — этой цитадели русского реализма. Традиции русского реалистического искусства, обогащенные восточными и в первую очередь индийскими сюжетами, одухотворенные индивидуальностью большого мастера, властно звучат в его картинах.

«Мои истоки здесь, в России,—

подчеркивает художник,— я был полон русского искусства, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Мысль Святослава Николаевича возвращается к памятным дням прошлого. «Получилось так,— рассказывает он,— что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичане вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец».

Сразу после его кончины в Дели была открыта мемориальная выставка Рериха. Выступая на ее открытии, Джавахарлал Неру произнес проникновенные слова: «Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

Мы спускаемся к мемориалу Рериха. Художник умер накануне возвращения на Родину. Уже были упакованы и приготовлены к отправке в Москву картины. По завещанию художника они потом были переданы в дар нашему народу. Когда склонили тело Рериха, его лицо было обращено налево, в сторону России.

Мы стоим несколько минут молча у камня-обелиска, на котором высечена столь известная ныне надпись: «Здесь в декабре 1947 года было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир!»

«Сердце сердцу весть подает. Красив индо-русский магнит», — писал Рерих. История сохранила знаменитое восхищение Афанасия Никитина: «И от всех наших бед уйдем в Индию». Но движение русского сердца не было односторонним. Оно вызывало ответную волну. Следы индийских поселений на Волге убедительно свидетельствуют об этом.

Поразительно сходство наших языковых стихий. Язык древней Индии — санскрит — и русский язык имеют столько общих корней, что это никак не может быть случайностью. Не случайно также и совпадение древних легенд и преданий. Еще критик Стасов обратил внимание на тождество сюжетов русских былин и индийских эпосов: «Рамаяна» и «Махабхата».

— Да, это верно,— подхватывает близкую ему мысль Святослав Рерих.— Однако не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном, обычно в таких случаях говорил мой отец. Это «глубочайшее и многозначительное», по его убеждению, состояло в том, что русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила.

5

Интерес ко всему русскому в Индии велик. История действительно все время сближала наши духовные орбиты. Октябрьская революция дала гигантский импульс давним традиционным отношениям. Притягательная сила идей нового строя в стране, задавленной колониальным гнетом, выявилась быстро.

В 1926 году нарком иностранных дел Чичерин получил письмо махатм — духовных водителей индийского народа. Они приветствовали русскую революцию. «На Гималах мы знаем совершающееся Вами... посыпаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии!» От имени тех же махатм Чичерин был вручен ларец с гималайской землей. «На могилу нашего брата махатмы Ленина» — так было сказано в послании.

Выдающиеся умы Индии с самого начала почевствовали величие и бескорыстие подвигов народов России, ибо все, что здесь совер-

Портрет жены С. Н. Рериха Девики Рани.

шалось, совершалось для всего человечества. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор, посетивший Советский Союз в 1930 году, очувившись в неповторимой атмосфере новостроек первой пятилетки, писал:

«Наконец-то я в России, и то, что вижу, чудесно, непохоже на другие страны, в корне отлично». Известны его восхищенные слова о вдохновенно-преобразующей работе коммунистов. «Они разбудили здесь весь народ... Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил, что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и унижения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства».

И, конечно, многим памятно — об этом могу судить по разговорам с новыми индийскими знакомыми — письмо Джавахарлала Неру, написанное в одиночной тюремной камере, куда его в очередной раз упрятала британская администрация. Письмо было адресовано дочери — Индире Ганди.

«Год, когда ты родилась, был одним из незабываемых в истории; в этом году великий вождь с сердцем, преисполненным любовью и сочувствием к бедным и страдающим, повел свой народ на благородный и немеркнущий в истории подвиг. В тот момент, когда ты родилась, Ленин начал революцию, которая изменила облик России».

6

И опять дороги, но теперь идущие в обратном направлении — с севера на юг, из прохлады в жару. Разноязыкий говор. Новые встречи.

Языки, на которых говорит современная Индия — хинди, урду,ベンガリ,— красочны и богаты. Слова объемны, многомерны. Бывает, что за словом, звучащим скромно и непрятательно, тянется глубинный философский пласт. В конце беседы мне нередко приходилось слышать «дханьявад». Это примерно соответствует русскому «спасибо». Но, конечно, перевод условен и приблизителен. Если же обратиться к первозданному смыслу слова, то перевод будет выглядеть так: «Мы с вами обогатились общением друг с другом».

Удивительно емкое и многозначительное слово. Оно на редкость точно выражает тенденцию нашего времени, направленную не на разъединение, а на объединение. «Обогащаться общением друг с другом».

Дханьявад!
Дели — Москва.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНИКАХ

Руфь ЗЕРНОВА
ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

XIII

Рита предложила Кириллу проводить его в Москву.

— Всюму за свой счет на один день. Вообще-то говоря, мне отгул причитается, да могут не дать — знаешь, как у нас. Так лучше я за свой счет. Не обеднею как-нибудь без этих трех рублей. А не дать Варвара не посмеет — моментально в другую точку уйду.

Кирилл сказал:

— Подумаю.

— Чего думать-то! — Рита пожала плечом, не изменяя спокойного и рассудительного выражения лица.

И Кирилл сказал:

— Ладно. Потешимся напоследок.

Что он имел в виду, Рита поняла, когда оказалось, что Кирилл взял мягкую «Стрелу» — двухместное купе.

— Надо же! — сказала Рита. — Как господа. Никогда так не ездила. Умеешь ты!

— В буфет пойдем или здесь закусим? — спросил Кирилл.

— А ты как хочешь?

— Сегодня ты королева. Как скажешь — так и будет.

— Тогда здесь, — решила Рита. — Неохота мне сегодня смотреть на пьяные морды. Так нам с тобой здесь... как будто это наш дом.

Когда по вагонам стали разносить напитки и закуски, Кирилл купил бутылку коньяка и плитку шоколада. Рита попросила его выйти, она хотела переодеться. Когда он вошел, она сидела в цветастом нейлоновом халатике и смотрела на него необычно блестящими глазами.

— И правда, как будто дом наш. И не видно, что едем. Просто закрыли двери. Ну, обними меня.

Под утро она сказала:

— Не спутаешься с кем-нибудь там? Смотри у меня!

— Где там спутываться! — сказал Кирилл. — За экскурсоводом будем ходить, как цыплята.

Она помолчала и сказала:

— Привыкла я к тебе.

— Приеду — поженимся, — сказал Кирилл. — Я тебя с работы сниму, ребенка заведем...

— Вот видишь, — сказала она. — Я же говорила тебе, что лучше меня не найдешь. А дело прошлое — я тебя ревновала к этой... ну, у которой отца убили. Сейчас мужики пошли ненормальные — им такие нравятся...

— Я очень нормальный, — сказал Кирилл.

— Ты-то нормальный. Подожди, ты послушай. А она не переживает из-за тебя? Как ты думаешь?

— Не знаю, не интересуюсь. Я же говорю, я нормальный.

— Не интересуешься? А почему у тебя ее фотография?

Рита почувствовала, что Кирилл отодвинулся и словно застыл. Она села на постели, обняла руками колени и сказала:

— Так вот оно что!

— Ты о чем? — спросил Кирилл.

— Очень хорошо знаешь, о чем. За неимением гербовых пишут на простых, да?

— Темная ты, Ритка, — сказал Кирилл со вздохом.

— Скажи уж прямо, серая. Только имей в виду, что гордость у меня тоже имеется.

— Кто у тебя ее отнимает, гордость твою! Что ты болтаешь, подумай сама. Ты в зеркало хоть смотришься когда? Ну сравни себя и ее.

— А фото? — спросила Рита, не убежденная.

— Что фото?

— Зачем ты с собой ее фотку везешь?

— Без бы твою, если бы у меня была.

— Ты ж у меня не просил никогда.

— Я и у нее не просил, сама подарила.

Рита несколько минут лежала молча, размышляя. Потом сказала:

— И чего это со мной? Никогда такого не было. Видно, сильно я к тебе привыкла.

Кирилл привлек ее к себе, она положила голову ему на плечо. Он спросил:

— Ты когда ее увидела, фотографию эту самую? Когда я за коньяк расплакивался?

— Ага. Увидела, что какая-то фотка... А потом ты вышел — я достала бумажник, посмотрела. Даже на картон наклеена! Слушай, порви ты ее, чтобы я была спокойна.

— Ох, и ревнивая у меня жена будет! — сказал Кирилл.

Они помирились.

Целый день потом они гуляли по зимней Москве. Рита несколько раз возвращалась к разговору о фотографии. Кирилл отшучивался. Наконец он сказал:

— Была бы у меня твоя фотография...

Рита открыла сумочку и сказала:

— Ha!

Это была открытка девять на двенадцать. Рита была снята в три четверти оборота, с опущенными глазами.

— Ну, настырная! — удивился Кирилл. — Ладно, обрежу аккуратно и наклею поверх той. Устраивает тебя? Без картона в бумажнике помнется, а картона такого мне сейчас уже не купить. Отдирать тоже будет неаккуратно. И закроешь ты мне ее, как оно и в жизни случилось.

Они купили в писчебумажном магазине kleю. Тут же на столике он закапал kleem Аллино лицо и осторожно залепил его Ритиным.

— А теперь надпиши сверху, — сказал он. — «Моему мужу».

Она аккуратно надписала на картоне под фотографией: «Моему мужу Кириллу от его жены Риты». Поставила число. Потом сказала:

— Вот теперь мы как будто с тобой обручились. Слушай, мы с тобой не договорились, что ты мне привезешь. Кофточка этих не надо — у меня их и так навалом. Ты привез мне такую сковородку, на которой без масла жарить можно. Чтоб не толстеть.

Кирилл стал смеяться. Рита смотрела на него растерянно — она не понимала, что его так веселит. Потом сказала:

— Сейчас даже у кого хорошая фигура, не смотрятся, если полные.

— Я не потому смеюсь, — сказал Кирилл, успокоившись. — Я просто думаю, как со сковородкой по Европам буду ездить.

— Я тут пока на мебель запишуся, — сказала Рита.

Поезд на Брест отходил в 19.20. Они приехали на Белорусский вокзал в половине седьмого — перед этим они пообедали в ресторане «Пекин». Десятка два будущих спутников Кирилла — мужчин и женщин — с провожатыми группировались вокруг толстого очкастого старосты. Кирилл подвел к нему Риту:

— Моя невеста.

Тот оглядел ее одобрительно и сказал:

— Не боитесь оставлять на целых десять дней?

И засмеялся. Рита была шокирована такой несерьезностью. Она сухо сказала:

— Некоторые мужчины думают, что над всем можно шутить.

И отвернулась. Староста опешил, а Кирилл рассердился:

— Рита, ты что — шуток не понимаешь?

Староста сказал:

— Нет, я, конечно, неудачно пошутил, приношу свои извинения.

Рита милостиво кивнула головой.

— Только я... Вы как-то сразу отшибли мне память. Ведь вы Жуков, Кирилл... Андреевич, кажется?

— Я, — сказал Кирилл.

— Вас просяли зайти к начальнику вокзала. Что-то с паспортом вашим... Кажется, забыли дату рождения проставить, год есть, а месяца и числа нету.

Рита посмотрела на Кирилла, и ей показалось, что у него что-то сделалось с лицом. Он как-то механически кивнул, словно думал о другом. Потом он отдал Рите свой чемоданчик, который они успели взять из камеры хранения:

— Постереги!

И пошел в сторону кабинета начальника. Но

целостность его характера немногими мягкими штрихами. Это как раз тот случай, когда кисть берет верх над словом, художник — над писателем.

И, конечно, Святослав Рерих создает большую серию портретов своего отца. На этих картинах, как правило, он изображает великого художника на фоне горных хребтов и неба. Нет нужды говорить, что фон не играет здесь вспомогательную роль, что это существенный компонент композиции, ибо Николай Рерих по духу своему неотделим от высоты. Мастер гор, он неотделим от голубого свечения столь любимых им гималайских вершин. Святослав Рерих пишет его лицо, на котором лежит печать могучей, всепоглощающей, творческой мысли. Это — лицо мудреца, ученого, Учителя («Махариши» — «Великий подвижник» — так называли его индийцы). Глаза его насыщены магнетической силой, энергией. «Какие окна духа!» — воскликнул один человек, потрясенный мощью этого взгляда.

Но портрет — это лишь ветвь творчества Святослава Рериха. Он не замыкает себя в узкие рамки единственного жанра. С одинаковой не-принужденностью и стремительностью художник пишет монументальные композиции и жанровые сцены, пейзажи и картины-аллегории, натюрморты и портреты. Главное, к чему устремлено все существо его дарования, — это Индия. Мир Святослава Рериха — это теперешняя жизнь, пейзажи и люди Индии.

Д-р Гетц отмечает, как широк диапазон его красочной палитры: «от грандиозно-простых контрастов в изображении горных высот Гималаев до удивительно разнообразных, тонких цветовых нюансов при передаче атмосферы в период муссонных дождей и тех дней, когда муссоны стихают, при изображении уютного тепла долин и горячей мглы на равнинах». Его пейзажи — это подлинные поэмы цвета.

«Очень часто меня спрашивают, — говорит Святослав Николаевич, — могут ли быть такие сочетания, комбинации красок. Да, не только так, но гораздо ярче! Индия — страна тропическая, и свет там не-сравненно ярче того, что мы видим на средних широтах».

На вопрос: «Символизируют ли что-либо в ваших картинах те или иные цвета?» — художник категорически отвечает:

«Нет! В моих картинах — нет! Они отображают только то, что я видел. Но мой выбор цвета как-то помогает сюжету. Но это не символ. Просто мой выбор».

Это очень важное замечание. Когда смотришь картину с выразительным названием «И мы приближаемся», картину, где фигуры людей, лодка, скользящая по ярко-зеленой глади воды, исполнены глубокой символики, поневоле начинаешь думать о смысловой нагрузке цвета, которая как бы заранее рассчитана художником. На полотне представлены все оттенки спектра, а белая вершина на заднем плане кажется своеобразным синтезатором семи цветов радуги. Но оказывается, это не выдумка. Это написано с натуры. Святослав Николаевич называет точное место, где он увидел пейзаж и краски, перенесенные потом на холст. И вновь понимаешь, насколько мир богаче нашего восприятия. Если здесь и есть радостная символика, то ее дарует сама природа. Но дарует мягко, ненавязчиво, естественно...

«Каждое место в Индии, — говорит Святослав Николаевич, — насыщено своей историей, повсюду искусство своеобразно. И могу сказать, что этот процесс изучения художественного наследия бесконечен. Если вы поедете на север страны, вы увидите одно искусство, на юг — другое. Всюду вы найдете свое выражение творческой мысли. Но есть нечто общее, связующее все искусство Индии воедино, выявляющее собой ее единий облик, — это мысль, ее глубина, единство мышления. Мысль Индии все в себе включает и ничего не исключает».

Корни древней культуры, которая пронизывает все искусство, идут далеко в глубь веков; это то, что делает Индию такой высокой страной. Каждый год я все езжу по стране, исследую, изучаю эти памятники культуры и никогда не прихожу к концу своих исследований. Всегда что-то новое, отличное. И это богатство разлито не только в памятниках искусства, но и среди самих людей».

«Моя страна прекрасна! — так называется одно из самых значительных полотен Святослава Рериха. Молодая индийская девушка в праздничном ярко-красном сари. На фоне ослепительного неба и сверкающих растений она кажется частицей этого сияющего мира индийской природы. Замечательно лицо ее, одухотворенное высоким раздумьем. Ее глаза устремлены куда-то вдаль, они как будто видят то, что еще не открыто простому человеческому взору.

Святослав Николаевич охотно рассказывает, что на полотне изображена фабричная работница, которую он хорошо знает. «Отличная работница, — добавляет Святослав Николаевич, — мастерница своего дела». А мы снова рассматриваемся в картину и поражаемся творческой чуткости художника, его интуиции, его мудрости, ибо образ простой девушки здесь поднят на высоту символа. Какой красотой, каким жизнеутверждением, какой убежденностью дышит все ее существо — «Моя страна прекрасна!» Это не только настоящее, но и будущее Индии!

Живопись Святослава Рериха — утверждение, активное утверждение философии добра и мира. «Его картины обращаются непосредственно к нашему сердцу, — говорит индийский художественный критик Манохар Кауль, — и неизменно вызывают в нас стремление к миру и радости. Это высшая цель всякого великого искусства».

Темно-багровый, огненный вихрь объял пошатнувшиеся многоэтажные здания. Гибнет город. Гибнет цивилизация. Женщина закрывает глаза ребенку. «Ты не должен видеть этого пламени». Ты не должен оглядываться на прошлое, мертвящее своими токами, дабы, подобно жене Лота из Библейской притчи, не превратиться в соляной столб. Что это? Пессимизм, устрашение? Нет, не устрашение, а предостережение. Вера в светлую силу человеческого духа и разума подвигнула художника на создание полотна. Ты не должен видеть этого пламени, потому что не должно быть этого пламени.

Творчество Святослава Рериха недаром привлекает к себе симпатии простых людей Индии, постоянных посетителей его выставок. Оно недаром в центре внимания прогрессивной индийской печати. В статье «Живописец высшего порядка» Прашер пишет: «В то время, когда нас

Fest of Beauty
by V. Sidorov

ПРАЗДНИК КРАСОТЫ

Валентин СИДОРОВ

В 1942 году в комнате, из окон которой открывалась панорама гималайских горных хребтов, погруженных в синее мерцание, Николай Константинович Рерих записывает в дневник:

«Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы переводили и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей».

Далее следуют строки о сыновьях: «И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились».

Семья Рерихов — явление воистину уникальное. Ее влияние на культурную жизнь планеты огромно. «Вся семья была очень талантлива», — говорит Индира Ганди, делясь впечатлениями от встреч с Рерихами. Это было родство не только по крови, но и по духу. Бесстрашно делила тяготы и опасности жизненного пути художника его жена — Елена Ивановна. Всегда и во всем — вместе. Бок о бок с мужем прошла она по маршрутам Трансгималайской экспедиции, длившейся пять с половиной лет (1923—1928 гг.). «На коне вместе с нами», — пишет Рерих, — Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она». Другой спутницей, вдохновительницей называет ее Рерих. Ее участие в творческой работе художника так велико, что он настаивает: на его полотнах должны стоять два имени — женское и мужское. А ведь Елена Ивановна была не только сотворцом, но и творцом. Ее перу принадлежат многочисленные литературные труды, воскрешающие дух и поэзию восточной мудрости. Лишь немногие из них известны читателю. Радость открытия главных ее произведений еще впереди.

Великолепным знатоком языка, истории и культуры восточных народов был старший сын Рерихов — Юрий. В Трансгималайской экспедиции без его знания азиатских языков и их диалектов был бы просто невозможен контакт с местными племенами. Когда экспедиция закончилась и на базе ее материалов возник Гималайский институт научных исследований, его бессменным директором становится Юрий Николаевич. Последние годы (1957—1960) он живет в Москве. Его вклад в советское востоковедение значителен и весом.

Живописный талант Рериха-младшего развивался в условиях, исключительно благоприятных для творчества. Святослав Николаевич вспоминает: «Мы все были очень тесно связаны и всегда работали вместе. Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга. И я должен сказать, что в Николае Константиновиче, моей матушке и в Юрии Николаевиче я имел самых близких помощников, друзей, к которым я сразу мог обращаться со всевозможными проблемами,исканиями в своей работе».

Об отце Святослав Николаевич говорит: «В старинных книгах написано: счастлив тот, кто может встретить на пути своем мудрого старца. Я его встретил. Это был мой отец. Он был главным моим учителем. Он был не только учителем живописи, но также и моим наставником в жизни, и всю свою жизнь я провел с ним, и с ним я работал не только на поприще искусства, но и вообще во многих культурных начинаниях».

Уже в ранней юности Святослав Николаевич сотрудничает с отцом. Ему нет еще пятнадцати лет, а он помогает отцу рисовать эскизы декораций и костюмов для постановки русских опер в лондонских театрах. В девятнадцать лет в Америке он возглавляет «Международный центр искусств» («Венец мира»), основанный Николаем Рерихом. Именно эта организация в трудные для Советской России двадцатые годы пропагандирует русское искусство. В институте «Уруслати» («Свет утренней звезды») — такое поэтическое наименование получил Гималайский институт. Святослав Рерих назначается вице-президентом. Конечно, Святослав Рерих известен прежде всего как художник, но деятельность его гораздо шире и многогранней. Святослав Рерих-ученый интересуется проблемами ботаники. Он собирает богатейшую коллекцию лекарственных трав. Он изучает тибетскую фармакопею. Его исследования печатаются во французской научной прессе. В 1934 году Святослав Рерих организует экспедицию в район Тибета (в ней участвуют индийские ботаники) для сбора семян засухоустойчивых трав. Примерно в то же время он устанавливает тесный контакт с советскими учеными. Святослав Николаевич ведет переписку с директором Всесоюзного института

Валентин СИДОРОВ

Рерих в Болгарии

Туманом недвижным и плотным
Безмолвье на город легло.
Искрясь и мерцая, полотна
Ушли далеко-далеко.

Ушли, насыщая пространство
На стыке грядущих путей.
Ушли. Но остался, остался
Их отсвет на лицах людей.

В ночном и холодном безмолвье,
Как в неком загадочном сне,
Разряды неведомых молний
Над Витошой чудятся мне.

На прежней и новой основе
Почувствовать нынче дано:
Не только мы братья по крови,
Мы братья по духу давно.

Мы братья по духу. И значит,
Мы звездные строим мосты,
И именно нам пред назначен
Космический зов Красоты.

Незримое пламя пылает
И нас вырывает из тьмы,
И радостный ток Гималаев
Вы чуете так же, как мы.

„Литературная Россия“ № 40, 1980 (3 экз.)

Далее Г. Марков подчеркнул, что советские писатели были и остаются ударной, передовой силой в движении сторонников мира. Большая группа наших писателей участвует в работе Всемирного парламента народов за мир, приняв на себя сложные и ответственные обязанности по его проведению. В преддверии XXVI съезда КПСС советские писатели должны усилить свое участие в борьбе за торжество идеи мира, неустанно разоблачать поджигателей новой войны и их приспешников, энергичнее пропагандировать миролюбивую политику Советского Союза и стран социалистического содружества.

Говоря о главных задачах советской литературы, Г. Марков привел слова Леонида Ильина Брежнева, сказанные при вручении ему Ленинской премии: «Вторгаться в практическую жизнь, помочь народу яснее понять смысл этой жизни и направление ее течения, помочь делать эту жизнь лучше, правильнее, светлее, богаче не только материально, но и духовно — что может быть важнее и благороднее?».

Планы писательских организаций и органов литературной печати, принятые в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении идеологической,

следние гтурный пр время ми тельно, в вом сотру все покол емственно тие и угл ций совет щались п содерян циалистич преобраз неустанных исках. упорно и открывать новые ха логическо ного героя, строит

В заклю разил ув съезд пис съезды п которые тября это ловины м влекут в обществе дить в уз заинтерес народа и

Прения председат писателей В начале подчеркну четырехты